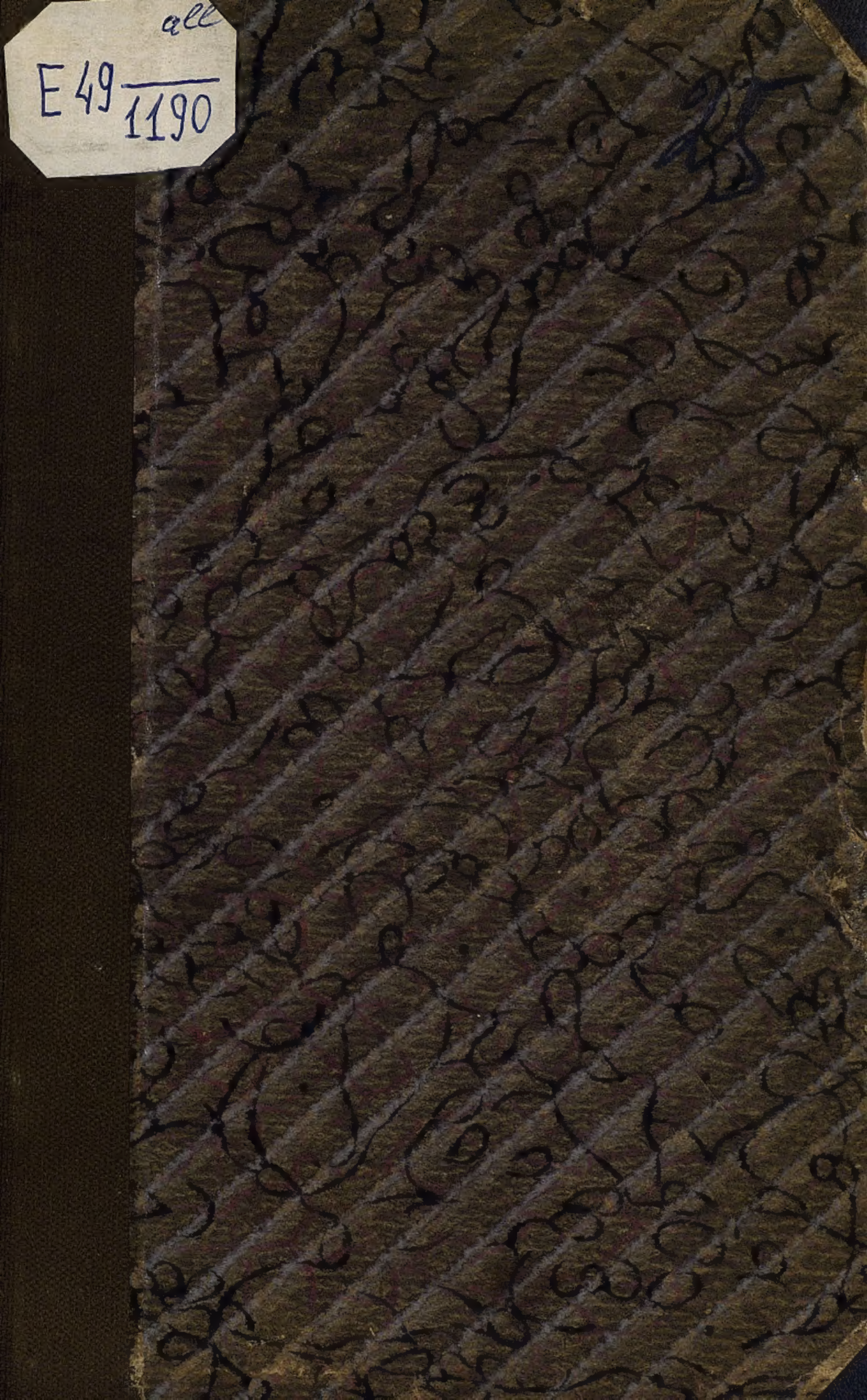

«Если читатель испортит или утеряет книгу, он должен купить такую-же, или уплатить ее стоимость».

1) Зиновьев „IV Конгресс Коминтерна"

2) Мануильский „Итоги V Всемирного Конгресса Коминтерна"

3) „К пятилетию Коминтерна"

4) „Первое пятилетие Коминтерна"

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Г. ЗИНОВЬЕВ

IV КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

ДОКЛАД НА СОБРАНИИ ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ Р. К. П. (б)

РАБОЧЕЕ КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРИБОЙ“
ПЕТРОГРАД—1923

Тираж—3000.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

Состав Конгресса.

Я начну с состава 4-го Конгресса Коминтерна. На 4-ом Конгрессе присутствовало 65 делегаций. На 3-ем их 52. В числе этих 65 делегаций были такие, которые обнимают до пол-миллиона членов и даже больше. Например Интернационал Молодежи обнимает 760.000 членов. Он был представлен небольшим числом делегатов. Профинтерн обнимает около 10.000.000 организованных рабочих. Он также был представлен небольшим числом делегатов. Кроме этих коллективных делегаций, каковыми являются Интернационал Молодежи, Профинтерн, были представлены еще 62 партии отдельных стран. Представительство чрезвычайно не однородное, соответственно тому, каково положение рабочего движения всего мира в данный момент. Вы увидите например представительство германской коммунистической партии, партия эта обнимает в данный момент 226.200 человек платящих членов партии. Цифра сама по себе довольно значительная. Достаточно напомнить, что наша партия перед взятием власти в 1917 году едва ли насчитывала такое число членов, наверно гораздо меньше. Но вместе с тем германская коммунистическая партия является только меньшинством среди рабочего класса Германии, ей противостоит об'единенная социал-демократия, вчетверо сильнее, если считать по числу членов. С другой стороны вы увидете например представительство Австралии. Я беру нарочно такие крайности. Австралийская коммунистическая партия насчитывает всего-на-всего 900 членов, но, в силу сложившихся обстоятельств, эта, совсем маленькая, но очень компактная коммунистическая партия ведет за собой большинство рабочего класса в Австралии и даже

быть может не так далека от взятия власти. В Австралии живет около 5 миллионов человек, там еще до войны мы видели попытку образования рабочего правительства, отнюдь не коммунистического, не большевистского, а либерально-социал-демократического типа, но во всяком случае там уже была сделана попытка образования рабочего правительства. Рабочий класс, как таковой, представляет там громадную силу, профсоюзы являются там величайшей силой. Партия в 900 человек за последние годы завоевывает один за другим профсоюз, и в данный момент имеет большинство почти во всех профсоюзах Австралии. Через профсоюзы, которые там уже стояли у власти, коммунистическая партия ведет за собой большинство рабочих и поэтому может быть очень скоро станет у власти.

Вы видете, товарищи, два полюса. В Германии для того, чтобы овладеть властью, необходимо овладеть громадным большинством рабочего класса; там каждый рабочий организован, за душу каждого рабочего ведется борьба. Там нет не организованных людей, там как крупная буржуазия, так и мелкая, так и рабочий класс во всех слоях организованы в свою партию. В Германии происходит состязание организации сил и там, покуда коммунистическая партия не овладеет сначала симпатиями, а потом и организацией громадного большинства рабочего класса, она не может расчитывать на то, чтобы взять власть в свои руки.

В других местах, даже на целых континентах, соотношение сил другое и традиции рабочего движения другие. Там возможно такое положение, когда кучка людей, знающих чего они хотят, с'умеют овладеть доверием большинства профсоюзов, близка к тому, чтобы овладеть всей страной. Я не могу характеризовать перед вами другие делегации, на это понадобилось бы несколько вечеров, я взял только эти два типа, для того, чтобы

показать вам, насколько разнообразно положение коммунистов во всем мире. Основное искусство руководства коммунистического Интернационала в том и заключается, чтобы из этой неравномерной пестрой картины выделить самое главное.

В 62-х партиях дела обстоят совершенно различно, соотношения сил разнообразные. В одних местах коммунисты стали проникать в среду крестьянства, в других местах коммунисты, отдавая дань старым, узко социалдемократическим взглядам, считают, что это не их дело проникать в среду крестьянства. Мы видели такой уклон на 4-ом Конгрессе. В одних местах коммунисты овладевают профсоюзами, получая в них большинство; в других местах коммунистов исключают из союзов, изгоняют. В одних местах узко сплоченная организация революционеров, умеющая руководить через ряд непосредственных звеньев широкими массами рабочего класса; в других местах довольно широкая организация коммунистов, считающая своих членов сотнями, тысячами, но все же еще недостаточно сильная, чтобы померяться силами с враждебными ей социал-демократическими организациями, иногда считающими своих членов миллионами. Во всяком случае состав 4-го Конгресса Коминтерна был небывало полон. По числу делегатов с'езд был невелик, потому что Исполнительный Комитет добивался возможно узкого состава с'езда, дабы он не потерял делового характера. Мы имели перед собой выжимки руководящего состава всех коммунистических партий, вожаков из вожаков. Мы имели перед собой представительства не только коммунистических партий, но вообще революционного рабочего движения, поскольку в Профинтерн входят и рабочие не коммунисты, а только революционеры, сочувствующие нам.

Все роды оружия были представлены самым полным образом на этом с'езде и, что особенно

важно, на этом с'езде мы имели представительство Ближнего и Дальнего Востока, в отличие от прошлых с'ездов, представлявшее не отдельные инициативные группы, как это было до сих пор, а организованные ядра коммунистического движения, конечно, относительно еще очень слабого, но все таки организованного рабочего движения. Мы имели первый раз серьезное представительство коммунистической партии Японии, первый раз серьезное представительство коммунистической партии Индии, стран, где рабочее движение развилось уже во всю мощь. Япония в последние годы содрагается под натиском рабочих и постоянного стачечного движения, точно так же, как и Индия, но до сих пор мы были от них отрезаны. Там своеобразная история, своеобразные традиции и психология. Ни для кого не секрет, что как первый, так и второй интернационал были по сути дела органами европейского рабочего движения, а ни в коем случае не всемирного. Коммунистический Интернационал не с неба свалился, а явился продолжателем предыдущего второго Интернационала, который тоже в первые годы своего существования правда лишь по идее, по программе, по заданиям был всемирной организацией, но не по своим действительным организационным связям с такими странами, как Япония, как Индия, не говоря уже о более отсталых восточных странах. Только с момента четвертого конгресса можно сказать, что Коммунистический Интернационал начинает становиться не только по идее, не только по заданию, но и по своим организационным связям международной организацией, организацией не только европейского масштаба, но масштаба всемирного.

Такова физиономия с'езда по составу—небывалая мощь организационной связи с коммунистическим движением в новых странах, как Япония, как Индия, в тех странах, которые решают судьбу мировой революции,

и крайняя пестрота, пестрота, осложняющаяся тем, что рабочее движение в разных странах проходит через разные стадии: в одном месте оно делает только первые шаги, в другом государстве кипит гражданская война, в третьем происходит борьба из-за профсоюзов, в четвертом эти самые профсоюзы только начинают появляться. Трудность руководства таким гигантским органом в том и заключается, чтобы суметь во всем многообразии явлений, во всей пестроте явлений выдвинуть основное, то, что должно пролегать красной нитью через всю работу Коммунистического Интернационала.

Четвертый Конгресс обсуждал определенный комплекс вопросов и он обсуждал эти вопросы, в сущности говоря, трижды, подходя к ним с разных сторон. Троекратное обсуждение было необходимо именно в силу разнообразия представительства. Мы обсуждали коренные вопросы, первый раз по отчету Исполкома Коммунистического Интернационала о его прошлой деятельности. Отчитываясь за полтора года, прошедшие между третьим и четвертым конгрессом, Исполком должен был обстоятельно затронуть целый ряд коренных вопросов, которые заполняли деятельность Коминтерна, за истекшее время. Тут были и вопрос о едином фронте, и о рабочем правительстве, и об отношении к профсоюзам, и аграрный вопрос, и отношение к народам Востока и т. д. и т. д. Отчитываясь в прошлой своей деятельности, Исполком в первый раз поставил перед конгрессом на очередь всю ту сумму вопросов, которые вообще подлежали обсуждению; во второй раз этот комплекс вопросов обсуждался по отдельным пунктам порядка дня, когда мы говорили о программе, когда мы говорили о тактике, когда мы говорили о том же аграрном вопросе и т. д. по сюжетам и по темам второй раз перед конгрессом вновь возникли те же самые корен-

ные проблемы эпохи, и, наконец, в третий раз те же, в сущности говоря, вопросы встали перед конгрессом, когда он перешел к обсуждению положения в отдельных крупнейших партиях, переживающих свои внутренние трудности. Таким образом, исходя из различных отправных пунктов, конгресс трижды подверг внимательнейшему обсуждению основные проблемы международного рабочего движения.

О программе Коминтерна.

Я, разумеется, не буду перед вами излагать всех прений в хронологическом порядке, часть речей, вероятно, вами прочитана, как, скажем, речи Цеткиной, Ленина, Троцкого, из которых каждая речь составляет особую тему для размышления и может вполне занять специальный вечер, я постараюсь охватить самое главное.

Прежде всего скажу относительно программы, Коммунистический Интернационал не имеет еще оформленной программы, распространяющейся на все партии. Это об'ясняется прежде всего той трудностью, на которую я уже намекнул в начале настоящего доклада, необычайной пестротой, необычайным разнообразием в положении коммунистов в отдельных странах. Само собой понятно, написать одну программу, которая годилась бы скажем, для Японии, где господствует монархия, где буржуазия в значительной части оппозиционна, а частью революционна, как было и у нас до 1917 г., где кипит борьба за всеобщее избирательное право, поддерживаемая буржуазией, и вместе с тем программу, которая годилась бы, скажем, для буржуазной Франции, которая целиком изжила парламентаризм до дна, для страны, где буржуазия стала насквозь контр-революционной, для страны, правительство которой является международным жандармом. Написать программу, оди-

наково пригодную для Индии, где рядом с миллионным рабочим движением, организованным в профсоюзы, ведущим борьбу на экономической почве, происходит гигантская борьба всего народа, угнетенного английским империализмом и борющегося вовсе не за коммунизм, а только за национальную самостоятельность против Англии, написать программу, которая охватила бы все эти страны дело в высшей степени трудное. Я напомню членам нашей партии, что мы сами тоже жили несколько лет без программы. Мы вошли в революцию 17 года со старой программой, принятой на втором с'езде в 1903 г., явно устаревшей, явно несоответствовавшей взглядам большевиков; даже после перехода власти в руки нашей партии, по предложению тов. Ленина, было постановлено еще выжидать один год не меняя программы, для того, чтобы мы имели возможность запечатлеть в программе то, что окончательно выяснилось, обрисовалось, дабы не пришлось менять программу через короткое время.

Нам нужна программа, которая бы в одно и то же время учитывала опыт первой пролетарской революции, совершившейся в России, которая дала бы программу действий для ряда стран передового капитализма, которая дала бы вместе с тем программу для колониальных и полуколониальных народов. Нам нужно выхватить только одну деталь, ответить на такой вопрос, как негритянский вопрос. Впервые на нашем с'езде было два доклада негров, один коммунист, другой беспартийный. На с'ездах 2 Интернационала, существующего не одно десятилетие, ни разу не появлялся ни один негр. Первый и Второй Интернационалы были организациями людей белой кожи и только по идее были организациями всемирными. На нашем Конгрессе были представлены люди желтой кожи, черной кожи. Негритянский вопрос играет громадную роль в Америке и Африке, служит часто

предметом раздора между самими рабочими, конечно, главным образом по наущению буржуазии. Вы все слышали недавно о расстреле в Южной Африке участников стачки, расстреле, происшедшем на почве того, что буржуазия нарочно разжигала вражду между белыми рабочими и рабочими неграми.

Чтобы учесть все это многообразие явлений, возьмем еще один пример—аграрный вопрос. Как стоит аграрный вопрос в Китае и как он стоит в Швейцарии или в Дании, или в Америке. Совершенно различная постановка. В одних местах преобладают богатые крестьяне, уже давно ставшие опорой контр-революции, например, в тех же странах, которые я назвал — в Швейцарии, Германии, Дании. В других странах, в особенности на востоке, крестьяне являются неисчерпаемым резервуаром революционных сил, потому что у них на шее сидят помещики, и очень часто иностранные помещики, там положение крестьянства совершенно иное. Все это громадное разнообразие создает гигантские трудности, для того, чтобы выработать один документ, вполне пригодный для коммунистического Интернационала во всем мире. Это не означает, что Коммунистический Интернационал совсем не имеет программного документа. Мы сделали попытку собрать все документы программного характера, начиная с первого Конгресса и кончая четвертым; и таких документов наберется изрядное количество. Нет никакого сомнения, что тезисы тов. Ленина о буржуазной демократии, одобренные на первом С'езде Коммунистического Интернационала, являются по сути дела частью программы Коммунистического Интернационала и притом частью весьма и весьма важной. Нет никакого сомнения, что резолюции 2-го Конгресса о роли партии, или по национальному вопросу, по аграрному вопросу также являются документами программного характера. Отдельные камни, отдельные кирпичи для построения

программы Коммунистического Интернационала имеются, очень ценные составные части, звенья для будущей программы; но нам нужен теперь документ, который будет вылит из одного куска и будет иметь прочное значение для всех партий. К этой задаче мы подходили, но Конгресс ее полностью не разрешил. Мы ограничились дискуссией по этому вопросу, решив, подобно тому, как это сделала наша партия, отложить принятие программы еще на год, дабы все партии имели полную возможность обсудить внесенные проекты. Проекты поступили: от нашей Российской Коммунистической партии, составленный Бухариным; от германской социал-демократической партии, составленный Тальгеймером; от Болгарии, составленный Кабачеевым. Японские товарищи тоже выдвинули первоначальный проект программы; затем были незаконченные проекты от ряда других стран. С'езд заслушал по этому вопросу ряд докладов, в том числе Бухарина и Тальгеймера.

В связи с программной дискуссией следует отметить один момент разногласий, и нам, коммунистам, надо вдуматься в предмет этих разногласий, которые возникли по следующему вопросу: должны ли мы в программе Коммунистического Интернационала формулировать требования переходного периода, должны ли в программе Коммунистического Интернационала найти место лозунги—единый фронт, рабочее правительство и т. д. В сущности говоря, в другой форме снова стал вопрос о соотношении между программой максимума и программой минимума. Более молодые товарищи члены нашей партии не помнят или не знают, что у нас программа состояла из двух частей, из программы максимума и программы минимума. Когда мы вступили в пролетарскую революцию, перед нами встал вопрос о том, поскольку мы исполнили программу максимума, выбросить ее из программы. Тов. Ленин, после того как мы взяли

власть в свои руки, после Брестского мира, возражал против того, чтобы похерить программу максимума, он говорил: „наша победа еще не закреплена окончательно, не хвались на рать идучи, подождите еще несколько лет, не придется ли нам возвращаться назад (как это по некоторым пунктам и случилось)", и тогда наша партия в этом смысле и решила этот вопрос. Сейчас этот вопрос приходится разрешать в международном масштабе. Часть членов 4-го Конгресса, возглавляемая небольшой группой германских левых, считала, что самая попытка поставить частичные вопросы, вопросы переходного периода, в общую программу Коминтерна является оппортунизмом. Часть этих товарищей, на мой взгляд, совершенно несправедливо полагала, что мы должны для всего Коммунистического Интернационала взять только программу минимума и ни в коем случае не заикаться о требованиях переходного периода. Дискуссия по этому вопросу на самом С'езде не была развита, но наш Центральный Исполнительный Комитет занимался этим вопросом.

Русская делегация, которая состояла из 70 человек, возглавлялась Бюро делегации, в которое входили т.т. Ленин, Троцкий, Бухарин, Радек и я. И вот перед нами стал вопрос, что скажет наша русская партия по этому спорному вопросу. Заявления русской делегации имели особый вес на 4-м Конгрессе, как и на всех предыдущих Конгрессах, а в данном вопросе, где мы имели определенный опыт, наше заявление было особенно важно. Мы сделали заявление, которое известно тем из вас, кто внимательно штудировал работу Конгресса, мы сказали, что мы ни в коем случае не можем считать оппортунизмом внесение требований переходного периода в нашу общую программу. Потом напомнили нашу борьбу с меньшевиками, которая особенно ярко велась в 1910—1912 гг. Никто не должен думать, что мы в ту эпоху выступали

против частичных требований вообще. Это не верно. Мы выступали только против попытки меньшевиков этими частичными требованиями заменить основные требования. Они выдвигали свободу коалиции. Мы не были против свободы коалиции, мы были за свободу коалиции, но мы требовали революционного решения вопроса. Мы говорили: если вы выдвигаете свободу коалиции, как средство мобилизовать массы для того, чтобы лучше столкнуть царя, мы признаем это, как революционную постановку вопроса. Между тем, некоторые товарищи запомнили из нашей борьбы с меньшевиками только то, что меньшевики выступили за свободу коалиции, а мы, большевики, выступили против. На самом деле мы не выступали против, а мы выступили за революционную постановку, пусть самого мелкого частичного вопроса, мы требовали, чтобы все частичные переходные вопросы рассматривались в свете, в перспективе общей борьбы за революцию. То же самое мы считаем сейчас необходимым в международном масштабе. Не в том беда, что II-й Интернационал выступает частичными требованиями, а беда в том, что этими частичными переходными требованиями он старается отвлечь внимание рабочих масс от борьбы за пролетарскую революцию, ими подменить ее. Вот почему наша делегация целиком выступала за то, чтобы в программе нашли себе место требования переходного периода. Это был, товарищи, вопрос не просто теоретический, а глубокой важности, жизненный вопрос для всего Коминтерна, являющийся ключем для всей тактической позиции Коминтерна.

Небольшое, левое в ковычках крыло, которое существует в Коминтерне, частенько сбивается на то, чтобы увести нас от агитации в самой толще рабочей массы в дебри абстракции, отвлеченной пропаганды максимилизма в самом худшем смысле этого слова—

„все или ничего“, между тем самой сильной стороной Коминтерна является то, что он, имея ясную программу, проводя эту программу, сумеет наталкивать все свои секции и партии на то, чтобы они жили в самой гуще рабочей массы, чтобы они варились в соку этой массы, чтобы умели на каждом изгибе пути, в каждом самом маленьком повседневном вопросе быть выразителями мнения рабочей массы, к этому сводится и тактика единого фронта, о которой я еще буду говорить, только так можно завоевать массы, увести их из соц.-домократ. партии. Мы против второго Интернационала, но не против реформ, мы боремся против реформистов не потому, что они стоят за частичные улучшения, а потому, что они их не добиваются, а только говорят о них, они только размениваются на мелкую монету, отказываясь от революционной борьбы. Наше отличие от реформистов не в том, что мы не хотим заниматься будничной мелочной работой, тем, из чего складывается повседневная жизнь рабочей массы, а в том, что мы считаем, что дело коммунистов, которые хотят завоевать рабочий класс, привести его к победе, не только написать хорошую законченную программу,—максимум, но в том, чтобы жить среди масс, уметь видеть злобу дня, в каждый любой момент, в каждой стране уметь видеть общие вопросы во всех этих частных вопросах. Вот почему, товарищи, вопрос о том, должны ли найти себе место в нашей программе требования переходного характера, был не только глубоко теоретический, но и в высшей степени тактический, определявший всю тактику Коминтерна, вот почему тут важно было занять определенную позицию. Наша партия это знала, одержала бескровную победу над этим маленьким крылом левых сектантов, которые еще не поняли, как коммунистическая партия должна стать массовой партией.

Я могу этим ограничиться в своем сообщении относительно программной дискуссии. Все проекты, и речи, сказанные по этому вопросу, будут выпущены отдельной книгой для того, чтобы все партии имели время изучить каждое слово, и мы надеемся, что те наши товарищи, которые по условиям своей жизни или работы могут заниматься теоретической работой, набросятся на этот документ, будут его изучать, будут о нем дискуссировать и поймут, какой громадной важности документ обсуждается в течение ближайшего года.

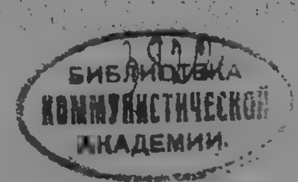
Единый фронт.

Перехожу теперь к тактическому вопросу, здесь вопрос о едином фронте и вопрос о рабочем правительстве были одними из самых главных. Я не буду распространяться о едином фронте вообще, так как по этому вопросу у нас как раз уже был доклад и так как эта тактика была определена в тезисах еще в декабре 1921 г., в тезисах, к слову сказать, теперь подтвержденных IV-м конгрессом, они будут напечатаны, как приложение к работам конгресса в виду того, что конгресс нашел их абсолютно правильными. За последние месяцы мы должны были преодолеть большое сопротивление нашей тактике единого фронта, сопротивление, которое было особенно значительным в странах романских, в странах латинской культуры, во Франции, Италии и Испании. И это не случайно, что именно в странах латинской культуры наша насквозь марксистская тактика наткнулась на особенно большие препятствия. Кто знает историю Интернационала, тот припомнит, что особенные трудности первому Интернационалу и много хлопот его руководителям доставили как раз эти же самые латинские страны, т.-е. Франция, Италия и Испания, страны мелко-буржуазной социальной структуры,

страны особых традиций и особой психологии, страны, которые как будто созданы для того, чтобы мелко-буржуазные влияния особенно анархического типа нашли себе там пристанище. Когда мы указывали на это обстоятельство нашим товарищам из этих стран, один из них нашелся для того, чтобы отомстить нам, ответить довольно остроумной шуткой, он сказал: да, действительно, и в I Интернационале больше всего хлопот марксисты имели с Италией, Францией и Испанией, но виноват ваш же Бакунин, русский анархист, который туда занес анархическое учение, пеняйте на себя, вы же русские виноваты. Это было сказано не без остроумия, действительно опорой Бакунина в борьбе с Марксом были как раз эти страны, вся ограниченность анархизма, вся его мелко-буржуазность нашли себе приложение именно в этих странах. Но, конечно, это об'яснялось не ролью Бакунина, хотя, конечно, это была мощная личность, которая сама по себе многого стоит в истории, а тем, что самая структура социальная в этих странах, вся предыдущая история, традиции подготовили их к восприятию не марксизма, не идей мощного коллективного, массового влияния, а именно идей индивидуализма, идей мелко-буржуазной психологии, с этими трудностями приходится вот встретиться и третьему Интернационалу, в настоящее время.

Прежде всего вопрос о едином фронте. В этих странах, в которых мелко-буржуазная психология имеет большие традиции, тактика единого фронта неминуемо была понята, как некоторое отрешение от революционных позиций, как сдача, как парламентская игра. Во Франции серьезная часть коммунистов полагала, что в тактике единого фронта для нас речь идет о том, чтобы действительно найти общий язык, известное соглашение с представителями второго Интернационала, и только в ходе применения этой тактики, после

Берлинской конференции, после событий в Германии они стали убеждаться, что это не есть тактика примирения с социал-демократическими вождями, а мобилизация масс снизу против вождей второго Интернационала, и для нас было громадным удовлетворением, что небольшая испанская коммунистическая партия на своем собственном опыте убедилась в нашей правоте. Она небольшая, насчитывает тысяч 12 членов, но она в некотором роде образцовая партия, ее Центральный Комитет состоит из 15 человек рабочих, которые все работают на фабриках и заводах. Не далее, как вчера, когда я прощался с последней группой испанских делегатов, они рассказывали о том, каков бюджет партии,—бюджет Центрального Комитета состоит из того, что эти 15 членов, работающих на заводах, половину своего заработка отдают Центральному Комитету. Это насквозь пролетарская партия, работающая в обстановке неслыханного террора,—там расстреливают наших товарищей направо и налево. Кроме того, пред ними мощная синдикалистская организация старого типа, насчитывающая сотни тысяч членов, которые не хотят и слышать о коммунистической партии. Представитель этих синдикалистов был у нас в прошлом году на Конгрессе и, когда мы говорили о роли партии, он возражал, что партия не нужна, а, когда мы говорили: „у нас, в России, партия управляет государством“, тогда он почесал затылок и сказал: „я готов согласиться, что после революции можно построить партию, а до революции нельзя, до революции нужны только синдикаты и профсоюзы“. Небольшая партия испанских коммунистов, которым приходится бороться и против синдикализма, и против бакунизма, и против буржуазного террора, была против тактики единого фронта и, только после того, как мы их подтолкнули, после того, как они использовали эту тактику в классовой борьбе, чуть ли не в граж-

данской войне, идущей теперь в Испании, они убедились, что это лучший рычаг в руках коммунистов, чтобы завоевать массы, которые идут за меньшевиками. На 4-м Конгрессе они сознали правоту тактики единого фронта. Точно также сопротивление этой тактике было сломлено и во Франции. В Италии наши товарищи сначала хотели применить тактику единого фронта только в области экономической, в области стачек, отвергнув ее в области политической. Мы говорили в наше время можно с трудом разрезать тактику в области одного и того же явления, иначе, ни одна крупная стачка не протекает без того, чтобы не стать политической. Троцкий спросил французов, когда в Гавре во время стачки портовых рабочих буржуазия расстреляла, убила 4 рабочих, что это было—экономика или политика? Это был эпизод обостреннейшей экономической борьбы и в то же время это был эпизод политической борьбы. Итальянские товарищи пробовали разделить единый фронт: в области экономической борьбы это правильно, в области политической борьбы это неправильно и только после того, как им доказали из опыта, они признали нашу правоту в этом вопросе.

Рабочее правительство.

Более нов был вопрос о так называемом рабочем правительстве. Это совершенно новая своеобразная тактическая проблема, которая имеет сравнительно мало аналогии в нашем русском прошлом и которую не так легко сразу понять. Вы знаете, товарищи, что у нас после февральской революции был выдвинут лозунг: „вся власть Советам“. Что он означает? Он означает власть рабочему классу и крестьянству, он означает, говоря в смысле партийной терминологии, в законченном виде власть Коммунистической партии, потому что

мы знаем, что действительная диктатура пролетариата, настоящая подлинная диктатура пролетариата не может быть иной, как диктатурой, возглавляемой определенной организованной силой, какой является Коммунистическая партия, иначе это не диктатура пролетариата, или во всяком случае не законченная диктатура. Мы прошли здесь ряд фазисов. После взятия власти мы имели правительство из большевиков и левых эс-эров. Затем силою вещей, революция шла вверх, а не вниз, мы вытеснили левых эс-эров из правительства. Могло быть иначе. Если бы революция шла не по восходящей линии, а по нисходящей после октября, то, вероятно, дело пошло бы так, что сначала левые эс-эры вытолкнули бы нас, а потом какая-нибудь более контр-революционная партия вытолкнула бы левых эс-эров. Я привожу этот пример для того, чтобы сказать, что вопрос о составе власти, о формуле власти есть центральный вопрос революции и потому формула, выдвигаемая сейчас, имеет гигантское не только агитационное, но и политическое значение. В целом ряде стран, где сейчас неустойчивое равновесие, где буржуазия не прочна, где происходит непрерывная смена министерств, где происходит борьба за власть, коммунисты выдвигают по указаниям Коммунистического Интернационала пароль—рабочее правительство. В 1918 году во время германской революции был выдвинут лозунг в той же формулировке, как и у нас,—вся власть Советам. Советы появились на первых порах революции, а затем под влиянием контр-революционной социал-демократии и меньшевиков, сами себя распустили. Это замечательно содержательный эпизод из классовой борьбы пролетариата. Теперь из воспоминаний таких людей, как Людендорф, известно, что как только грянула германская революция, как только появились первые солдатские советы, офицерам немедленно был дан приказ входить в эти

советы. Офицеры Вильгельмовской армии валом повалили в советы, где и были на первых порах руководителями. Ту же самую роль, которую сыграли в солдатских советах офицеры Вильгельма, в рабочих советах сыграли офицеры Шейдемана. Они также валом повалили в рабочие советы и сыграли роковую роль. Народ им поверил, принял их, как своих действительных вожаков. Стоит только прочитать воспоминание знаменитого Носке, который описывает, как в первые дни революции 10-тысячная толпа моряков встречала Носке, как своего любимого вождя, носила его на руках в буквальном смысле слова. Народ был неопытен, так же как и в первые дни революции у нас. В начале германской революции был выдвинут лозунг—вся власть советам,— но в солдатские советы проникли офицеры, в рабочие—социал-демократия, фактически власть осталась в руках старой бюрократии и через несколько месяцев назрел такой момент, когда собрался с'езд советов всей Германии и на этом с'езде была проведена резолюция о том, что советы должны быть распущены. Ни больше, ни меньше, как законченнейший эпизод из истории классовой борьбы пролетариата. Слишком мало знают у нас о нем, а между тем он решающий в истории германской революции. Советы были, в них проникли враждебные силы, коммунисты оказались недостаточно сильными, и советы сами себя распустили. В Веймарне было собрано буржуазией собрание, на котором им была отдана власть. После этого в Германии лозунг—власть советам—был несколько скомпрометирован.

Вот почему германские коммунисты ищут другую формулировку для той же задачи. Меньшевики говорят, что лозунг—власть советам—потерял свой блеск потому, что в России советы обанкротились. На самом деле это не верно, это вздор. Нечего доказывать, что у нас советы сильнее, чем когда бы то ни было. На самом деле

в Германии притягательная сила лозунга—власть советам—поблекла не из-за хода нашей русской революции, а из-за хода их собственной революции, так как советы сами себя распустили, так как они оказались бессильной говорильней. Тов. Ленин после июльских дней писал: „или советы возьмут власть, действительную настоящую власть, или они превратятся в пустые говорильни“. В Германии ход революции был именно такой, что они превратились в говорильни, и, под натиском офицеров Вильгельма и офицеров Шейдемана сами себя распустили и сдали власть буржуазии. Вот откуда то явление, что лозунг—власть советам—поблек в Германии и соседних странах. Революция должна была отступить на новые позиции и коммунистическая партия должна была отступить в известном смысле. И в поисках за более простой не скомпрометированной ходом германской революции формулой, германские коммунисты выдвинули лозунг—рабочее правительство, правительство рабочих. Рабочие составляют в Германии большинство, без рабочих ни одно правительство не может держаться, и вся проблема заключается в том, чтобы рабочих, идущих еще за меньшевиками, повести за нами, для этого наиболее пригодна формула—„Рабочее Правительство“, коммунисты Германии ее выдвинули. В связи с этим возникает, однако, целый ряд кривотолков: что считать рабочим правительством, при каких условиях можно входить в него и т. д. Нынешний Коммунистический Интернационал впервые занялся этим вопросом, он принял резолюцию по моему докладу, в которой делается поправка к классификации этого понятия „рабочее правительство“. Мы установили примерно 5 возможностей.

Первая возможность — либеральное рабочее правительство, такое рабочее правительство, которое было, например, в Австралии, которое, может быть, будет

завтра в Англии, когда там профсоюзы реформистского типа приобретут большинство в парламенте. Что это значит? Правительство, вышедшее из рядов рабочих, но правительство, которое имеет еще на деле программу буржуазно-либеральную. Возможно ли это? Да, это, увы, вполне возможно. Либерально-рабочее правительство в Австралии не было чем-то мимолетным, не было пустым эпизодом, оно отражало рабочего в его массе таким, каким он был в то время. Если через год мы будем иметь в Англии рабочее правительство, оно будет либеральным, с Гендриксонами, Томасами и т. д. Что это будет мимолетное движение? Нет, это будет значить, что рабочий класс имеет такое правительство, которое он в данный момент заслуживает, это будет правительство, отражающее ограниченность английской рабочей массы, отражающее ее такою, какая она есть сейчас.

Это одна возможность, значит, правительство либерально-рабочее. Другая возможность—социал-демократическое рабочее правительство. Классический пример—Германия; мы имели там такое правительство, первое правительство после ноябрьской революции и целый ряд других. Это правительство социал-демократов, опирающихся еще пока на большие слои рабочих, а на деле это правительство, выполняющее роль буржуазии.

Третья возможность—правительство коалиции, но не коалици в том смысле как проповедуют меньшевики, т. е. коалиции рабочих с буржуазией, а коалиции всех рабочих партий, начиная слева с коммунистов и кончая социал-демократами. Возможно ли это? Да, это возможно. Как эпизод в ходе классовой борьбы возможно правительство, в котором будут участвовать коммунисты рядом с социал-демократами, синдикалистами, анархистами, профсоюзами и даже с христианскими профсоюзами. В ряде стран существуют еще поповские профсоюзы, в

которые входят рабочие. Нам это смешно, а бельгийцам, скажем, французам, англичанам им далеко не смешно, там еще сотни тысяч рабочих идут за попами. Мы говорим: с этими рабочими, которые входят в поповские профсоюзы, мы согласны войти в одно правительство при известных обстоятельствах, при известных гарантиях для борьбы против буржуазии. Такая возможность есть. Сколько вероятия, сколько шансов, за такую возможность, никто не предскажет, но такая возможность была и у нас, например, после корниловских дней мы были на волосок от того, чтобы иметь такое правительство. Вы, может быть, вспомните известную статью тов. Ленина, которая называется „О компромисе", он после корниловских дней в последний момент обратился к меньшевикам и эс-эрам, имевшим еще большинство в советах: „Наступает последний час, решайтесь, пред вами выбор, или вы пойдете за буржуазией или после урока в конце концов отвернетесь от буржуазии и пойдете в коалицию с нами, против бесчестной коалиции, с Корниловым мы предлагаем вам честную коалицию с большевиками". Они это отвергли. Вообще сложилось иначе, те зашли далеко, были плохо вооружены, и мы вступили в вооруженную борьбу, но такая возможность в перспективе вырисовывалась в те времена для большевиков. А поскольку идет речь о левых эс-эрах, вы видели, что они в конце концов были сделаны из того же теста, по социальному составу это было то же самое, тот же определенный класс демократической буржуазии, который на определенной стадии революции пошел в честную коалицию с нами, в честную коалицию с большевиками, а потом, когда они стали дурить, окрепший пролетариат дал им сапогом в спину и выгнал их из правительства. Таким образом, и в нашей революции такая возможность замечалась в перспективе и отчасти осуществилась. Эту третью возможность мы предвидим и в международном масштабе.

Четвертая возможность, это правительство рабочих и крестьян. В тех странах, где существует крестьянская беднота, как, например, на всем Балканском полуострове, в Болгарии, Румынии, Турции, Греции, в Чехо-Словакии, где существуют большие массы бедных крестьян, в некоторых странах центральной Европы, в Венгрии это возможно. Четвертая возможность это—рабочее и крестьянское правительство, т. е. правительство всех рабочих и крестьян, которые согласны бороться против буржуазии. И наконец, пятая возможность, действительно, рабочее правительство, рабочее правительство пролетариата, т. е. рабочее правительство коммунистическое, все остальные рабочие правительства в известном смысле рабочие правительства в ковычках; настоящее рабочее правительство то, которое будет возглавляться коммунистической партией.

Таковы те возможности, которые предвидит конгресс. Конгресс говорит, что, как лозунг пропаганды, лозунг „рабочее правительство" годится повсюду. Всюду, где существуют рабочие и буржуазия, мы можем сказать: вот над вами господствует буржуазия, мы вам предлагаем, чтобы рабочие имели свое правительство. Как лозунг агитации, пропаганды он годится повсюду, но как лозунг политической борьбы, как политический пароль, вокруг которого сгруппируются массы, он годится только в тех странах, где буржуазия уже поколеблена, где происходит борьба между отдельными буржуазными партиями, идет министерская чехарда, словом, в тех странах, где вопрос о власти становится коренным вопросом дня. Если возьмете Италию, где министерство меняется раз десять в год, где буржуазия не прочна в седле, где народ ищет прочного правительства, если возьмете Германию, которая уже вошла в первую полосу гражданской войны, которая переживает смены министерств и где буржуазия бессильна действительно ликвидировать на-

следие войны, в этих странах лозунг рабочего правительства имеет не только общее пропагандистское значение, но имеет действие боевое, такое, какое в наших условиях имел лозунг „вся власть советам". В переводе на язык отношений, сложившихся в Германии, в Италии и в других странах, лозунг „вся власть советам" переводится словами „рабочее правительство". IV-й конгресс раз'яснил это достаточно подробно и указал вместе с тем на те опасности, которые связаны с этим лозунгом.

Тактика единого фронта имеет свои опасности и тактика рабочего правительства тоже имеет свои опасности. Ведь если истолковывать вопрос так, что просто идет речь о парламентской сделке, о том, чтобы договориться в парламентах, то это был бы шаг назад. Во время конгресса пред нами возник конкретный вопрос—Саксония. Во время конгресса там произошли выборы. Саксония является частью Германии, чем-то в роде самостоятельного государства, входящего в союз государств Германии. Там проходили выборы, которые создали, как нарочно, такое положение: 40 социал-демократов, 12 коммунистов, что вместе дает 52, и 48 остальных буржуазных партий. Получилось то, что мы называли во времена Третьей черносотенной Думы, маятниковым положением, т. е. коммунисты играли роль маятника. Если они соединятся с социал-демократами, получается слабое большинство, но все-таки большинство против буржуазии. Если социал-демократы соединятся с буржуазией против нас, у них получится громадное большинство против коммунистов. Тогда стал вопрос, не образовать ли рабочее правительство третьего типа, т. е. коалицию социал-демократов с коммунистами. Этот вопрос обсуждался в Германии и в Москве, по просьбе германской партии, которая требовала ответа. Мы дали ответ отрицательный. Мы говорили: при таком положении дел мы высказываемся против вхождения в такое правительство. Это пра-

вительство родилось не из нашей борьбы, оно родилось из парламентских комбинаций и будет самой обычной парламентской комбинацией, которая завтра же может распасться, она не имеет общегосударственного значения, потому что дело идет об одной провинции, а не о всей Германии. Мы стоим за лозунг „рабочее правительство“; мы за вступление в такое правительство, только в том случае, если это есть эпизод революционной борьбы Германии, если это вытекло из хода событий, тогда такое правительство наверно станет рычагом в борьбе рабочих. Если бы в Саксонии кипела борьба, если бы образовалось параллельное правительство, которое ставило бы своей задачей низвергнуть буржуазное правительство в Берлине, тогда мы готовы соединиться с социал-демократами, но если это есть только парламентская комбинация, то мы против. Попытка образовать Саксонское рабочее правительство не удалась. Наши товарищи выдвинули ряд элементарных требований, ряд предпосылок, так называемые 10 требований к социал-демократам. Они сказали: ладно, мы отдадим вам наши голоса, но мы требуем: 1) разоружить буржуазию, 2) у нас страшнейшая голодовка, дайте депутатам профсоюзов участвовать в определении цен, 3) у нас тяжелое положение с квартирами, приступим к конфискации богатых особняков для рабочих и т. д. Социал-демократы, конечно, отвергли все и, таким образом, вся ответственность за срыв этой комбинации падает целиком на социал-демократию. Этот живой пример лучше всего иллюстрирует, как ставим мы проблему единого фронта.

Коминтерн и профсоюзы.

Третья группа вопросов тактического характера, которая в разных формах и сочетаниях обсуждалась на Конгрессе, были вопросы о профсоюзах, о единстве ра-

бочего движения. Вопрос о профсоюзах является центральным вопросом сегодняшнего дня по той причине, что профсоюзы есть основная массовая организация пролетариата. Партии, конечно, принадлежит руководящая роль в профсоюзах. Но поскольку дело идет о миллионах и десятках миллионов, тут решают профсоюзы. Профсоюзы об'единяют сейчас во всем мире более 30 миллионов человек и хотя последние годы число их несколько падает, но все-таки это есть главный инструмент освободительной победы пролетариата. Профсоюзы сейчас в большинстве находятся в руках Амстердамцев, но такое положение будет не вечно, профсоюзы с каждым месяцем, под влиянием уроков классовой борьбы, переходят на нашу сторону и сейчас мы переживаем интересный момент: Амстердамцы почуяли, что у них начинает ускользать почва из-под ног, они разнюхали, что их власть на ущербе, что они катятся вниз, что профсоюзы начинают отходить от них к нам и, в связи с этим, вполне определилась тактика раскола со стороны Амстердама. Они, которые всегда кричали о единстве против нас и ловко эксплоатировали лозунг единства, сейчас на всех парах стремятся расколоть профсоюзы там, где они еще не расколоты. Чем об'ясняется дело? Мне думается, в них говорит инстинкт их буржуазного класса, они чувствуют, что почва ускользает у них из под ног и они хотят так хлопнуть дверьми, чтобы все стекла полетели, они хотят, чтобы нам, коммунистам, достались одни черепки от профсоюзов, одни кусочки. Они сознают, или во всяком случае чувствуют, что им не удастся еще долго вести эти профсоюзы прямо за колесницей буржуазии. Но у них есть еще настолько силы, чтобы раньше, чем профсоюзы перейдут к нам, ослабить их чудовищным внутренним расколом. И вот сейчас, как бы по специальному заказу буржуазии Амстердама, всюду проходит такая политика. Я не хочу

сказать, что у них были свидания с банкирами, что банкиры дали им определенные заказы, но в политической жизни эти заказы делаются гораздо сложнее.

Перед нами стоит задача во что бы то ни стало парализовать эту попытку. Один из товарищей французов сказал на Конгрессе, следующее: „Коминтерн два раза спас международное рабочее движение. Первый раз на первом Конгрессе решительно выступив против ухода левых из профсоюзов, а второй раз при тактике единого фронта“. Мне кажется, что это правильно сказано. В 1919 году было довольно сильное течение среди левых товарищей, которые под влиянием стихийного революционного чувства говорили „что мы будем делать в этих желтых профсоюзах, где предатели рабочего класса, уйти оттуда“. Мы выступили против этой тактики, как против легкомысленной. Мы говорили—профсоюзы есть классическая организация пролетариата, это есть завоевание пролетариата за последние десятилетия. Если в профсоюзах еще сильно влияние социал-демократов, это не случайность, это значит, что наши рабочие, наши братья по классу, еще не созрели, еще имеют массу предрассудков. Надо быть там, где рабочие массы, нужно иметь терпение вместе с ними, нельзя уходить оттуда, где десятки миллионов рабочих, которые сегодня идут за социал-демократами, а завтра пойдут за нами, если мы будем с ними. Первый Конгресс добился решения именно в этом духе. Теперь этот вопрос снова ставится на 4-м Конгрессе. Под влиянием возмутительной провокации Амстердамского об'единения и 2-го Интернационала, которые изгоняют коммунистов из профсоюзов, раскалывают эти профсоюзы, возникает стремление в коммунистической партии уйти из этих профсоюзов. Эти товарищи говорили: „доколе мы будем терпеть, давайте уходить. Мы построим свои союзы, провокация Амстердама и социал-демократов не знает пределов“. Вы читали недавно о

германских фабрично-заводских комитетах. Германские меньшевики исключили из профсоюзов всех тех, кто принимал участие в С'езде фабрично-заводских комитетов. В этих профсоюзах происходит грубая борьба. Картина такова: местный отдел профсоюзов в фабричном центре выбирает секретарем своего местного союза, где-нибудь в Хемнице или Лейпциге, коммуниста. Центральный Совет, опираясь на свой бюрократический устав, написанный еще при царе Горохе, отменяет эти выборы и не утверждает секретаря-коммуниста. Тогда местный отдел второй раз его перевыбирает, они его второй раз не утверждают. По уставу имеют право три раза выбирать—его выбирают в третий раз и его в третий раз не утверждают; после этого им посылают из Берлина своего бюрократа меньшевика, который сидит и правит. Само собой понятно, это вызывает возмущение рабочих, которые рвутся порвать этот устав и выйти из профсоюзов, где меньшевики душат их движение. Тем не менее мы говорили на IV Конгрессе: конечно, революционное действие великолепно, в нашей профессии ничего без этого не добиться, ничего не выйдет, если не будем энергичны, но мало этого. Они мерзавцы, это правда, можно даже употребить и более сильное слово, но все-таки вы не правы, когда хотите уйти, пойти на удочку провокации, они провоцируют вас, чтобы вы ушли из профсоюзов, чтобы вы таким образом способствовали расколу. И мы вам говорим: нет, теперь меньше, чем когда-нибудь, теперь, когда нужно терпение на год или два и мы получим большинство, теперь ни в коем случае ни из каких профсоюзов не нужно уходить. Они исключат, мы вынуждены организоваться, мы организовались и тут же начинаем борьбу в старых профсоюзах.

Мы готовы итти на уступки, готовы претерпеть от этих мерзавцев, потому что профсоюзы массовая орга-

низация, в профсоюзах десятки миллионов рабочих, без этой массовой организации нельзя победить буржуазию, а главное нельзя удержать власть после победы, поэтому мы должны применить всевозможные меры, чтобы не допустить до раскола. Отдельные товарищи, как например товарищ Лозовский, бросали фразы в манифесте, что „мы не хотим раскола, но мы не боимся раскола". Мы этого не говорим, даже обратно,—позднее после совещания в Центральном Комитете по поручению делегации и Президиума Коминтерна я сказал: мы не бросаем таких слов, что мы не боимся раскола, это бахвальство и больше ничего, нет мы боимся раскола и мы это говорим прямо. Мы их ненавидим, тех, кто делает раскол, презираем как величайших негодяев, предателей народного дела, как иуд, которые хотят загубить единство, эту несравненную победу в борьбе, которая осталась в руках рабочих масс,—сорвать единственное средство в руках рабочих,—их единство, их массовую организацию, которую и представляют собой профсоюзы. Эти иуды хотят это последнее средство вырвать из рук рабочих, и мы их ненавидим, но мы не бросаем фанфаронских фраз, что мы не боимся, наоборот, мы заставим их чувствовать, что мы боимся раскола и что сделаем все возможное, чтобы его не допустить.

Это не случайно, товарищи, что в нашей русской революции, которая знала не мало расколов в области политической борьбы и несмотря на эти расколы, несмотря на то, что мы с другими партиями в области политической борьбы померялись с оружием в руках, в профессиональном деле мы обошлись без раскола, мы завоевали профессиональные союзы внутри, не допустив раскола, сумев выждать с тем, чтобы получить профсоюзы, как массовую организацию, под влияние нашей партии. И теперь дело идет о том, чтобы это заверше-

ние нашей революции распространить в международном масштабе, не допустив, чтобы более нетерпеливые элементы сорвали наше единственное тактическое завоевание—профсоюзы.

В области профсоюзов было еще принято одно важное решение, это в вопросе о наших взаимоотношениях с синдикалистами. Вам небезызвестно, товарищи, что среди синдикалистов существует три крыла, одно из них потерпело такой же крах, как социал-демократы, это старые классические синдикалисты, которые держались во время войны как Шейдемановцы, они тоже лизали пятки буржуазии, как и социал-демократы, это первое крыло—казенный синдикализм, второе крыло это вульгарно-анархическое крыло, анархо-синдикалисты, которые, в сущности говоря, повторяют зады, не признают диктатуры пролетариата, не признают никакого государства, стало быть и советского, они одна из разновидностей анархизма, и третье крыло—синдикалисты-коммунисты. Большинство синдикалистов во Франции и в других романских странах люди, которые увидели, что старый казенный синдикализм потерпел крах, которые идут в нашу сторону, но которые под влиянием традиций рабочего движения их стран не понимают координации между партией и союзами, как мы понимаем, не понимают взаимоотношений между союзами и партией, как мы понимаем марксисты, не понимают, что партия должна руководить союзами они выступают под формулой автономии и т. д. Они завоевали во Франции большинство, и вынесли такое постановление: мы дескать войдем в профинтерн, присоединимся к Коммунистическому Интернационалу, но мы требуем, чтобы связь между Коминтерном и Профинтерном не была так тесна, чтобы Коминтерн не подчинял себе профсоюзы. Разве у нас была такая связь, у нас было взаимное представительство одного исполкома в другом. Французы по-

становили это отменить, чтобы не было взаимного представительства. Мы спрашивали: вы не хотите, чтобы была совместная борьба? Нет, хотим. Тогда надобна какая-нибудь организация. Да, надобна. Какую вы предлагаете? Мы предлагаем так, чтобы у нас был совместный комитет, пускай он будет комитет действия, вы выберете трех и мы трех, этот комитет действия в течении года будет координировать все шаги профсоюзов и партии. Мы ответили, что мы согласны, и мы сказали в моей речи прямо; мы знаем, что мы делаем уступку предрассудкам, но мы делаем уступку предрассудкам хороших людей, революционных рабочих, тех рабочих, которые под влиянием традиций в своей стране, где партия еще слаба, не понимают руководящей роли партии. Мы согласились на эту организационную уступку, потому что нам дорога связь с несколькими десятками хороших революционеров рабочей партии, которые искренне ненавидят буржуазию и которые, как мы уверены, сегодня считают себя синдикалистами-коммунистами, а завтра, отбросят слово „синдикалисты", и будут просто коммунистами, через год они увидят свою слабость в этом пункте. И мы сказали так: во всем мире идет выступление капитала, капиталисты не различают где экономика, где политика, они бьют нас по обеим щекам, куда попало и в области политики и в области экономики, всюду, где только могут, наносят удары, и главное, капитал не боится использовать и экономические и политические организации, он пускает против рабочих и свои парламенты, и своих попов, и свою прессу, и свою полицию и свой союз предпринимателей, чисто экономическую организацию, он все координирует, все комбинирует в зависимости от нехватки, и наносит удар. Мы рабочие как должны поступать? Также. Мы не должны спрашивать, на какой тарелочке стоит экономика, на какой политика, мы должны координировать

все: и партию, и союзы, и кооперативы, все сжать в один кулак, чтобы нанести удар врагу. Хотите вы этого, говорим мы? „Да, хотим, но у нас партия слаба, избавьте нас от необходимости взаимного представительства, попробуем идти другим путем“. У нас стал вопрос: уступить предрассудку или нет? После зрелого размышления мы решили уступить и мы уступили именно в интересах единства революционных рабочих масс. Но поскольку, есть большая группа рабочих, которые сомневаются в возможности таких революционных форм, мы сказали: мы вам уступаем.

Это решение имеет гигантское значение. Это уступка не в худом смысле, это уступка на весь мир, на открытом заседании Профинтерна. Мы сказали от имени Президиума Коминтерна — товарищи, по нашему не время теперь ставить этот вопрос. Подумайте, в какое время вы ставите этот вопрос? Когда капитализм наступает во-всю, когда он ведет свое наступление по всем правилам стратегии. В это время надо говорить не о том, как ослабить связь экономики с политикой, а напротив, как ее усилить, чтобы была неразрывная связь. Но мы должны вас брать такими, какие вы есть. В том-то и беда рабочего класса, что отдельные его отряды недостаточно сознательны. Мы знаем, что мы делаем уступку известному предрассудку, но так как дело идет об уступке широким кругам революционных рабочих, мы говорим „хорошо, пусть будет по-вашему“. Этим мы об‘единяем все революционные настроения рабочих. Наше сближение с синдикалистами-коммунистами в этом смысле имеет гигантское принципиальное значение и обеспечивает нам максимум единого революционного пролетарского фронта против всех наших врагов. Таково решение в области профсоюзов.

Обзор крупнейших партий Коминтерна.

Теперь я перейду к обзору отдельных крупнейших партий, судьбами которых занимался Конгресс и перед вами еще раз в новом освещении пройдут важнейшие проблемы международного рабочего движения. Конгресс вообще отличался тем, что он в первый раз за время существования Коминтерна занимался не только общими тактическими и общими программными вопросами, но перешел к известной конкретизации своей тактики по отдельным странам. Это был Конгресс изучения, уточнения и конкретизации по отдельным странам. В сущности говоря, вся вторая половина С'езда прошла в том, что С'езд разбился на отдельные группы и крупнейшие партии, обсуждал свои внутренние проблемы в отдельных комиссиях, из которых каждая была маленьким Интернационалом. Таким образом, получилось, что каждая крупная партия обсуждала наиболее важные для нее вопросы, пользуясь опытом рабочих партий других стран. В этом и заключается практическое руководство. До сих пор Коминтерн не мог себе позволить такой роскоши. Слишком много было у него очередных общих задач и только теперь он мог перейти к уточнению, к конкретизации по отдельным странам. Он впервые становится настоящей единой международной компартией в том смысле, что она не только об'единяет как федерация 65 партий, которая в каждой стране имеет свои отделы, но сама обсуждает и решает не только общие вопросы, но и вопросы, касающиеся в самом непосредственном смысле слова отдельных коммунистических партий. В этом знамение времени. Это есть характернейшая черта 4-го Конгресса. Коминтерн из федерации отдельных партий становится единой коммунистической международной партией. Перед Коминтерном продефилировал целый ряд его отдельных сек-

ций. Коминтерн занимался вопросами французского рабочего движения, итальянского, чехо-словацкого, американского, испанского, датского, норвежского, юго-славянского, польского и некоторых других. Я не могу к сожалению провести вас по всем этим странам, это заняло бы слишком много времени, я остановлюсь лишь на главнейших.

Французская партия.

Французский вопрос был одним из наиболее важных вопросов С'езда. Вопрос этот сводится к следующему: всем нам интересно, как создался Коминтерн. Он, как я уже сказал, не просто с неба свалился, он вышел из недр старого рабочего движения, он вышел из недр 2-го Интернационала. Можно провести известную аналогию. Если возьмем городской рабочий класс и крестьянство, то увидим, что наши городские рабочие, в громадном большинстве своем вышедшие из крестьянства, в очень сильной степени иногда подвержены крестьянским влияниям, крестьянским настроениям. Чем больше связь с деревней, чем ближе момент, когда рабочий вышел из деревни, тем больше в нем крестьянских настроений, взглядов и воззрений. В этом смысле можно провести параллель между 2-м и 3-м Интернационалами. Мы не можем сказать, что все наши организации не имеют ничего общего со Вторым Интернационалом. По идеям — да, по принципам—да, но по человеческому материалу, по связям, по переживаниям—конечно, связаны, также как рабочий класс городской связан с крестьянством, с известными его слоями. Конечно, за пять лет пришла молодежь, подросло новое поколение, но основное ядро состоит из тех рабочих, которые участвовали во Втором Интернационале, и это привело к тому, что многие члены партии принесли к нам взгляды и переживания 2-го Интернационала. Это было неизбежно. Мы должны

выставить следующую аксиому: чем больше наша партия получила из недр 2-го Интернационала, чем большая часть отнята у социал-демократии, чем легче была первоначальная победа, тем труднее формировка коммунистической партии. Это особенно наглядно можно проследить на судьбе французской коммунистической партии. Французская коммунистическая партия во время войны претерпевала предательство в размере большем, чем другие коммунистические партии, нигде во время войны рабочее знамя не было так унижено, как во Франции. Партия целиком пошла на потребу буржуазии и только очень незначительное меньшинство удержало красное знамя. Все вожаки там или почти все—изменники рабочему классу. Что касается Жореса, он пал в первые дни войны, неизвестно какую бы он занял позицию, если бы он остался верен себе, он должен был бы всецело выступить за войну, он не был коммунист, он был пацифист, целиком человек 2-го Интернационала. Старый борец марксизма Гед, от которого можно было ждать лучшего, перешел целиком в лагерь социал-патриотов.

Все партии были за войну, потом началось похмелье, к концу войны значительная часть рабочих была уже за коммунизм и мы в 1920 г. старую французскую партию завоевали почти целиком, примерно 85 % старой соц.-демокр. партии 2-го Интернационала во Франции на с'езде в Туре приняла наши 21 условие, присоединились и целиком перешли к нам. Это была большая победа,—сразу 85 % старой партии, выкинули наиболее скомпрометированных вождей и ушли в лагерь коммунистов. Но эта легкая победа таила в себе трудности, с которыми мы сталкиваемся сейчас. Чем больше была часть партии, которую мы получили от старой соц.-демокр., тем больше она приносила пережитков в своей психологии, навыков, привычек. Так случилось и с французской партией. Мы приняли ее, но нам уже тогда

было ясно, что мы не имеем перед собой вполне законченную коммунистическую партию, что придется не мало поработать над отшлифовкой этой партии, и последний год деятельности Коминтерна заполнен работой, в известном смысле борьбой между нами и большинством вождей французской коммунистической партии, которые, придя в наш лагерь, не совлекли с себя, однако, ветхого Адама 2-го Интернационала. Большинство знает целый ряд блестящих речей, которые тов. Троцкий посвятил французскому вопросу. Он руководил этим вопросом в Коминтерне, где существует известное разделение труда, так как вполне понятно, чтобы обслужить 62 партии необходим ряд сил. Тов. Троцкий великолепный знаток французского движения, он жил там несколько лет и поэтому ему принадлежит в Коминтерне руководство по этому вопросу. Я предполагаю, что ряд документов вам известен.

Перед IV Конгрессом Коминтерна в октябре месяце в Париже состоялся с'езд французской партии; на этом с'езде партия разделилась на три группы, две группы почти равные по составу: 1) группа, которая стоит целиком на точке зрения Коминтерна, называется левой, 2) центр возглавляется Фошем и Кашеном, вожаками большой старой социал-демократической партии, которые со всей искренностью хотят быть коммунистами, но не умеют, потому что слишком долго сидели в старом социал-демократическом болоте, слишком долго прививали им парламентские традиции старой социал-демократии, и, наконец, третья группа в 800 членов (другие группы имеют по 1500) во главе с Даниелем Рену, тоже старым вождем социал-демократической партии. Часть этой партии возражала против Коминтерна как будто слева, за взгляд партии на вопрос единого фронта, находя, что это компромисс, но тут сторонник центра указал им, что у них частенько выходит, что они в левую дверь захо-

дят, чтобы попасть в правую ложу; это в роде того, что почесать левой рукой правое ухо,—они начинают с левой критики, а попали в группу, которая целиком подвержена социал-демократическому влиянию. Таковы переплеты во французской партии, которые были перед самым с'ездом Коминтерна. Центральный комитет выбран из сторонников Кошена и Фроссара и тут же постановили, что центральный комитет временный. Как быть? Партия между тем сильная, центральный орган имеет тираж 200000, пользуется громадным влиянием среди рабочих. И с таким багажем они предстали перед IV-м Конгрессом.

Мы учредили очень большую комиссию по этому вопросу и стали вникать во все подробности. Для нас с первых же заседаний выяснилось, что чем больше мы вникаем, тем больше болезней открываем во французской партии,—чем дальше в лес, тем больше дров. Выяснилось, что во всех этажах французской партии среди руководящих слоев ее, тех, которые отошли от социал-демократии, болезнь очень опасна. Достаточно вам сказать, товарищи, что по мере ознакомления с положением внутри французской партии мы наткнулись на франк-масонство. В рабочей аудитории русской немного совестно говорить об этом, тем не менее придется вам рассказать, что это за история вышла. Франк-масонство явление международное; оно имело свои ответвления и в России. Из некоторых романов Льва Николаевича Толстого вы знаете, товарищи, что некоторые отпрыски либерального дворянства, сливки дворянства участвовали во франк-масонских ложах. В России франк-масоны были представлены, главным образом, этим элементом либеральствующего и всемудрствующего дворянства, в других странах франк-масонство соответствует социальной структуре страны; оно охватывает уже не дворянство или не только дворянство, а проникает даже в некоторые слои рабочих, и это вполне понятно, если вдумаешься. Если сравнить

царскую Россию и буржуазно-демократическую Францию, то вы поймете, что в России 10—20 лет тому назад франк-масонство куда должно было закидывать удочку? Естественно не к рабочим, не к крестьянам, а к будирующему оппозиционному слою дворянства, который был тогда силой в царской России. Во Франции господствует буржуазная демократия, там они могут управлять народом только методами более изощренными, и франк-масонство старается проникать и к рабочим. Франк-масонство. как международное явление, очень интересная вещь. В Италии, например, они играли роль во внутренней борьбе 10 лет тому назад; там тоже франк-масоны проникли в верхние этажи рабочей партии, чтобы через ее руководителей вести за собой часть рабочих. Это организация на половину мистическая, на половину религиозная, на половину рационалистическая, с налетом таинственности; члены этих лож никому не известны, с налетом скрывания от общего сведения, с налетом полузаговорщицким, что привлекает элементы, настроенные несколько романтически. Но на деле это ни что иное, как тонкая выдумка буржуазного разума, который берет чем может: где не может взять грубым образом, как у нас долгое время через простых попов, там берет более изощренными средствами, путем организации таких закрытых обществ, которые в тонкой форме привлекают в свои ряды людей, ищущих чего-то нового, желающих протестовать против постылого настоящего; привлекает немного таинственность и в начале равенство, которое будто бы царит в этих франкмасонских ложах. На самом деле это есть гнуснейшее изобретение, тончайший буржуазный обман. И вот оказалось, что в нашей Коммунистической партии во Франции не малое число вождей участвует в этих франк-масонских ложах, в которых в России участвовали отпрыски дворянства. Согласно уставу, участвующие в франк-масонских ложах скры-

вают это. Правда, говорят, что у них иногда отмечают таинственными знаками, по которым братья узнают друг друга.

В Центральном Комитете Коммунистической партии Франции, в крыле ее, которое считает себя левым, было несколько франк-масонов. Так, некий Кер, который был с левыми и недавно перешел в Центр, человек, которого мы не считали худым, оказался франк-масоном. Мы сначала даже не знали, как поставить этот вопрос. Мы думали, что это фракционная клевета, которая часто употребляется в борьбе. Наконец, уже в „конце, товарищ Троцкий задал вопрос: „Товарищ Кер, говорят, что вы франк-масон. Извиняюсь перед вами, что я задал вам такой вопрос, но я должен был спросить, верно ли это или нет". Кер встал и сказал: „Да, это верно, я состою франк-масоном". Сцена была потрясающая для всех нас, за исключением части французов, которые были настолько легкомысленны, что не понимали, почему мы придираемся к таким „пустякам". Вот насколько развращена политическая атмосфера во Франции, насколько тонко умеет буржуазия развращать рабочий класс и насколько дубовато делалось это у нас через Зубатова или попа, там делается это в такой форме, которая привлекает к себе хороших людей. Мы поставили перед ними вопрос о том, что это совершенно нетерпимо. Они попытались ответить, что Коминтерн по этому поводу ничего не постановлял, „мы не знали, что это воспрещается", говорили они. Но оказалось, что это фактически не верно. Не было бы счастья, да несчастье помогло. На 2-м Конгрессе Коминтерна дело было так: когда мы обсуждали 21 условие, встал Серрати и сказал: „Я предлагаю 22-е условие— не принимать франк-масонов". Я ответил Серрати шуткой: „помилуйте, как же мы будем писать такие условия, это неприлично. Это было бы то же самое, если мы поставим условием, что мы не при-

нимаем того, кто крадет чужие платки из карманов. „Конгресс, однако, в виду настояния Серрати, принял такое постановление, но не вписал в условие в виду того, что это неприлично. Теперь мы это раскопали в протоколе и показали им „что, голубчики, было?“— Они отвечали „а мы не прочитали“. Это эпизод, о котором рассказывать, конечно, немного совестно. Вы видите в каком положении находится дело. Так как мы получили оттуда довольно большое наследство, то ясно среди хороших вещей мы получили и плохие. Вы получили, например, великолепный ковер, но в нем водится моль. Это не значит, что вы должны разрезать ковер или вовсе его выбросить. Нет, надо только истребить моль изгнать ее. Мы начали изгонять моль. Среди наших врагов царило злорадство: „помилуйте на пятом году. Конгресс будет обсуждать вопрос—можно ли быть франк-массоном.—Это, как выразился тов. Троцкий, то же, если бы сказали, что наш друг Бухарин каждое воскресенье ходит в церковь молиться Богу или если вы хотите делать революцию, то не начинайте ее в понедельник, потому что это тяжелый день.

На этом примере вы видите, товарищи, как трудно нам, даже Коммунистическому Интернационалу вырваться из цепких об'ятий старого, гнилого прошлого, полученного от 2-го Интернационала, который в свою очередь получил его от буржуазии. Французский рабочий класс— великолепный рабочий класс. У него замечательные традиции со времен Коммуны, у них громадный ум, фантазия, революционная мощь, но ход развития их партии под влиянием парламентаризма привел к тому, что во главе у них стоят люди такого типа, многие из которых часто совершенно искренне не понимают, что же тут плохого, а другая часть настолько развращена буржуазией, что вероятно никогда и не избавится от ее деморализующего влияния. Мы прямо им говорили, что по-

ражены, что при таком положении вещей партия во Франции еще не сорганизовалась до сих пор. Мы об'ясняем это себе только тем, что французские рабочие, которые имеют громадную потребность в партии, довольствуются суррогатом, потому что им не удалось создать настоящую французскую коммунистическую партию. Но французский рабочий преодолеет все трудности, очистит свою партию и создаст ее по образу своему. Таким образом мы заранее говорим, что не стесняемся злорадством, которое будет в рядах наших противников по поводу событий в французской коммунистической партии. Разница между нами и Вторым Интернационалом заключается в том, что мы вскрывши болезнь, приступаем к ее лечению, к серьезному лечению и доведем это лечение до конца. Само собой разумеется, мы постановили исключить всех тех, которые являются франк-масонами, устранили Кера из Центрального Комитета. Он и Брансон внесли сами декларацию, что они выходят из франкмасонского общества, отстраняются от ответственных постов и просят партию дать им возможность показать, что они готовы работать для рабочего класса. Надо сказать, что среди них далеко не все руководились благими целями, а это зараза, которая носится в воздухе в таких странах, как Франция.

Мы не можем себе представить насколько буржуазия деморализует нашего брата, рабочего. У нас в России грубое самовластие царской шайки отталкивало массы и то, что у нас не было в целом рядом десятилетий буржуазной демократии, прослужило нам укреплением, нас не успели отравить бесконечно ядовитыми газами буржуазной культуры,культуры которая пробирается в лачугу французского рабочего, вносит разложение в его собственную партию. Вот почему не надо думать, что все эти тысячи человек плохие люди. Многие делали это по легкомыслию, многие по черезмерной живости ума. У нас был

такой инцидент: среди французской делегации присутствовал товарищ Рено Жан, который скоро прибудет в Петроград. Замечательно интересная фигура, простой крестьянин, теперь прошел в депутаты, талантливейший человек, прямо от сохи, от масс, глубоко бескорыстный человек, смелый, мужественный, новый пласт, но без всякой марксистской школы. Многого он не понимает, он не понимает разницы между рабочим и крестьянином. Для него крестьянин—рабочий полей, пролетарий полей. Есть пролетарии завода и пролетарии полей, для него это одна и та же категория. Когда мы начинали об'яснять, что рабочий одно, крестьянин другое, что революцию мы должны делать через рабочие массы, для него это было ново. Так вот этот Рено Жан—привлекательная натура во французском рабочем движении, вышедший из низов, не развращенный еще, каких там много, когда мы засудили франк-массонов, он встает: „а все-таки, товарищи, об'ясните, что худого, если они в конце концов веруют, потому что у них личная потребность есть, если они при этом не изменяют рабочим, что тут худого?“ И пришлось, начиная с азов, доказывать, что это хитрая выдумка буржуазии, что это форма классового сотрудничества, что таким образом буржуазия завлекает в ряды своих организаций наших вождей, чтобы в удобный момент парализовать; пришлось, словом, прочесть популярную лекцию о коммунизме. Натура, выдвинувшаяся из низов, не искушенная опытом, не видит где дьявольская хитрость буржуазии, отравляющей самый воздух, которым дышешь, а другие так прогнили сами, что дышат этим дурным воздухом и того не замечают, что этот дурной воздух разлагает легкие нашей партии. Таким образом, во французском вопросе пришлось принять очень серьезные решения.

Центральным Комитетом было назначено заседание в Москве по соглашению трех фракций. Замечательное

явление—из фракции Даниеля Рену всех рабочих мы отобрали и все они выступили против Даниеля Рену и мы им говорили, какое испытываем удовольствие, что видим как пролетарии вздули своих вождей, которые вели их не туда, куда должны вести коммунистические вожди. Все рабочие очень быстро примкнули к линии, которую проводил Коминтерн, они говорили, что у них камень с души свалился, когда они увидели, что называется настоящей коммунистической партией, узнали, что проповедует Коминтерн, когда указывает на действительную работу. Мы им раз'яснили: у вас выборы в парламент,—во время выборов во Франции делается нечто с ног сшибательное, я сам это наблюдал,—все поголовно делаются социалистами, всякий буржуа выступает не иначе как под флагом социалистической платформы, радикал-социалисты, социалисты независимые, какие угодно, чтобы только надуть рабочих и крестьян. Перед выборами в партию начинают валом валить адвокаты, чиновники, все те, которые хотят пройти в парламент или по крайней мере быть поставленными в кандидаты, чтобы получить известность и т. д. Мы говорим: вы сильная рабочая партия, у вас газеты, большая пресса, наступают выборы, к вам попрут тысячи, повесьте замок на ваши двери и в течение полугода не принимайте ни одного члена кроме рабочих, а в депутаты выделяйте девять десятых простых рабочих и крестьян и одну десятую из числа интеллигенции, вождей и т. д. и то тех, кого вы 20 раз проверили, что они не изменят вам. Все эти советы они приняли восторженно, но некоторые вожди довольно сумрачно крутили ус по поводу этих предложений, которые казались им демагогией с нашей стороны. Между тем в данных обстоятельствах это совсем не демагогия. В такой партии, как наша, которая прошла через огонь и воду и медные трубы, где после неоднократной чистки своих рядов оставлены только те, кого партия считает

чистыми, это было бы демагогией, а во Франции, где только формируется рабочая партия, где как бабочки на огонь летят карьеристы, чтобы надуть рабочего, пролезть через него в парламент, такой образ действий является не демагогией, а является абсолютным долгом.

Вот ряд мер, какие конгресс наметил для французской партии, затем выработали список Центр. Комитета партии, выработали программу деятельности, по вопросу о франкмасонстве и лиге прав человека, против которых тоже приняли решительные меры, об этом я скажу несколько слов: во Франции существует „Лига прав человека", во главе ее стоят сердобольные буржуа демократического типа, которые называют себя беспартийными, которых иногда Максим Горький принимал за друзей человечества, но ведь Алексею Максимовичу в политике ошибки прощаются, потому что он не политик, что поделаешь. Так вот есть лига, которая якобы помогает рабочим: вот Мартина Бадина теперь держат в тюрьме, так раз в месяц учиняют отличный митинг в лучшем зале, в Париже, где почтенный оратор во фраке говорит полчаса о том, как не хорошо, что держат в тюрьме Мартина Бадина, люди должны быть братьями и т. д., потом выносится резолюция благонамеренная, что демократия не должна во Франции омрачаться такими инцидентами неприятными, что Мартина Бадина держат в тюрьме, при этом, конечно, прибавляется: мы не хотим сказать, что Мартин Бадина был прав, когда нарушал военную дисциплину. В эту лигу прав человека входят некоторые коммунисты, которые считают, что лига защищает нас, что это люди почтенные и совершенно беспартийные, ведь там только академики, профессора и т. д. и нашего брата таким образом надувают, что вот участвуют в лиге хорошие люди, которые помогают рабочим. Мы предписали на с'езде

выход из лиги, считая, что это буржуазная организация утонченного обмана и поэтому тем более опасная.

Мы не можем сказать, что французский вопрос разрешен, мы будем иметь там еще большие внутренние затруднения, слишком легка была наша победа, 85% мы получили из старой партии, а возьмите нашу собственную партию, когда мы производили чистку, у нас были приняты исключительные меры против выходцев из других партий, тут были излишества и преувеличения, но в общем и в целом всякий из нас понимает, почему такие меры были нужны. Товарищи из другой партии они волей-неволей иногда искренне совершенно приносили с собой старый багаж, не тот, который носят в ремнях, а умственный багаж, который всосался с молоком матери, самые незаметные привычки, меньшевистские взгляды. То же самое и во Франции, из этих 85% выходцев из старой партии может быть 25% придется выкинуть. Вполне понятно, это работа трудная, требующая времени. Вот почему мы нисколько не боимся злорадства, которое будет по отношению к нам, и мы говорим: все-таки коммунистическая партия Франции уже не та теперь, которая была год тому назад, уже она имеет известную пролетарскую основу и после тех мер, которые Коминтерн принял, мы ее месяцем раньше или позже очистим, санитарная работа продолжается, в этом и заключается смысл существования Коминтерна как международной коммунистической партии, что он может производить очистку в международном масштабе, ту очистку, которую наша рабочая партия делала в местном масштабе.

Итальянская партия.

Перехожу к Италии, там происходят явления в некотором смысле и в данной стадии те же, что происходят во Франции, они проделали то, что теперь делается во

Франции, сейчас начинается исправление линии в этом движении сверху вниз. Вы знаете, что в Италии в 1920, вернее в 1921 году, произошел раскол. Сначала вся партия, 200 тысяч человек, примкнула к Коминтерну, со всеми меньшевистскими, полуменьшевистскими течениями. Они прислали сюда делегацию во главе с Дарагона и компания, которые являются теперь главными помощниками фашистов, они распевали в 1920 г. с нами Интернационал, а это были самые настоящие меньшевики. Давление со стороны рабочих было настолько сильно, что они примкнули к нам. Затем они раскололись на три группы: правые, центр с Серрати и коммунисты. Они образовали одну партию, которая называла себя сначала социалисты-коммунисты-унитаристы, т. е. сторонники единства. Как видите, чего хочешь, того и просишь. Социалисты хорошо, социалисты-коммунисты еще лучше, а если еще прибавить социалисты, коммунисты-об'единенцы, то получится совсем хорошо. Они поработали год, и дело пошло так, как надо было предвидеть: Серрати попал в плен к открытым меньшевикам, меньшевики попали в плен к буржуазии. Серрати прямо ходил к королю. Они отшучивались, что и Чичерин тоже ходил к королю в гости, но они не понимали, что Чичерин являлся от имени победоносного пролетариата, а он являлся к своему королю лобызать его руки. В течение года эта об'единенная партия скомпрометировала себя окончательно и к чести левой части этой партии надо сказать, что в последнюю минуту она поняла свою ошибку, и на их С'езде в Риме за несколько недель до нашего Конгресса, произошел раскол между большинством, возглавляемым Серрати, и реформистами. За это время число членов с 200.000 упало до 50.000, а число членов профсоюзов — с $2^1/_4$ миллионов до 700.000. Дарагона хвастался, как бы высовывая язык и дразня, „а все-таки мы своего достигли, в 20 г. если бы мы не

были внутри партии, вы сдали бы партию, а мы своим саботажем удержали от революции". Таким образом, пример Италии стал классическим образцом того, чего не нужно делать, если хочешь быть коммунистом. Серрати, давая дорогу меньшевикам, думал, что спасет партию, а они сгубили партию, сгубили профсоюзы и только кое-какие остатки уцелели.

В сентябре 1920 года в Италии рабочий класс стал захватывать фабрики и заводы, стал образовывать красную гвардию. Я читал отрывок из „Социалистического Альманаха" 1920-го года, где неизвестный автор описывал настроение рабочих в 20 году. Он говорит: „война только что кончилась, в стране царило недовольство, буржуазия растерялась. Рабочие целиком верили нашей партии; демобилизованные солдаты, еще не успев снять мундир, шли в нашу партию, крестьянство стало захватывать земли". Таким образом, была картина: рабочие все за революцию, крестьянская масса в большинстве за революцию, демобилизованные солдаты валом валят в нашу партию, в надежде, что она поведет их в бой, буржуазия растерялась, король прячется, полиция ненадежна. Одним словом, момент назрел для того, чтобы произвести революцию и взять власть в свои руки, не хватало только того, чтобы партия решилась и повела массы за собой. Вот в этот момент, когда рабочие буквально рвались в бой, когда вся эта рабочая масса, полуголодная крестьянская масса Италии, с ее великолепным темпераментом, ждала только решительного слова партии, партия повернула против революции. Тогда рабочие стали захватывать фабрики и заводы и образовывать красную гвардию. В это время Центральный Комитет профсоюзов пять дней и пять ночей заседал и дисскусировал, он говорил „дело сложное, надо подумать". На шестое утро они пришли и сказали; „мы дальше не можем, мы уходим в отставку, потому что

думаем, что если вы будете продолжать это движение, это будет полной гибелью“. Оказывается же, что они пришли прямо со свидания с министром, который им подсказал подобную речь. Рабочие стали покидать захваченные фабрики, движение пошло на убыль. В это время буржуазия стала оправляться, постепенно переходить в наступление против рабочих и в результате теперешний фашизм. Можно сказать так: осенью 20 года рабочая партия не решилась взять власть в свои руки, поэтому в 22 году она досталась фашистам. Два года ушло на промежуточную волну, когда рабочие уже не решались, а буржуазия еще не решалась. На этом опыте мы видим, хотя и в отрицательном свете, великую роль коммунистической партии. Не хватало только надежной энергичной, сплоченной, знающей, чего она хочет, партии и именно из-за этого теперь рабочий класс отдан на растерзание капитализма. Серрати говорил „мы боимся революции потому, что будет масса жертв“ и что же теперь мы видим?—тысячи и сотни тысяч жертв. Во имя чего?—во имя власти кучки капиталистов. Таково было положение. На С‘езде в Риме, в конце октября этого года, большинство, руководимое Серрати, постановило исключить меньшевиков, принять 21 условие, покаяться перед Коминтерном. Серрати отправился в Москву, написал серию статей „каносса“ (покаяние), что он отправляется в Каноссу — каяться. „Я каюсь перед русской революцией, а вы каетесь перед итальянским королем“. Это для публициста выход, а для рабочего не выход. Итак, он возвращается Москву, возвращается с 30.000 членов, а раньше их было 200.000, он возвращается в момент, когда сгубил свою партию, предал рабочий класс на растерзание фашистов, когда рабочему классу приходится начинать сначала.

Перед Коминтерном стал вопрос, как быть теперь, принимать или не принимать эту, очищенную от мень-

шевиков, социалистическую партию. Наша молодая коммунистическая партия была решительно против их приема. Это психологически вполне понятно. Слишком много вреда причинил Серрати итальянской рабочей партии, слишком живы, слишком свежи воспоминания о 20 годе, слишком ясно, насколько он своими собственными руками зарезал рабочую партию. Коминтерн назначил обширную комиссию по этому вопросу, которая пришла к выводу, что принять эту партию в Коминтерн сейчас надо, формулируя положение так: 30.000 членов партии, из которых громадное большинство рабочих, стучатся в двери Коминтерна и говорят „мы видим, какую мы совершили ошибку, мы признаем, что совершили неслыханное преступление перед Коминтерном и самими собой, мы просим по-товарищески: „примите нас“. Что мог ответить Коминтерн? Сказать, что мы вас не примем, это значило бы толкнуть рабочих в руки ненадежных вождей. У рабочих есть своя организация и они с ней свыклись. Один коммунист вчера формулировал положение так: если возьмете рабочего примерно до 30 лет, большею частью это коммунист, вся молодежь и рабочие примерно до 28—30 лет коммунисты, а затем будут социалисты, члены старой партии. Это понятно и если взять в международном масштабе, то положение более или менее то же. Старики, пожилые рабочие, которым 4-й десяток пошел, у нас стали приходить к нам тоже только в самое последнее время. Это говорится не в обиду сорокалетним, к которым и мы уже близко находимся в смысле возраста. В июле 1917 г. эти сорокалетние бородачи, когда требовали демобилизации, они, сами того не зная, сослужили большую службу революции, поколебали Керенского. В Италии такое положение: подростающий слой рабочих уже в коммунистической партии, а старый рабочий, который

10 лет в партии, он социалист, он прошел через тяжелую школу разочарований, расколов, поражений, и вот такой отряд в 30.000 человек пришел и стучится в двери коммунистической партии. Сказать ему: мы тебя не принимаем? Мы приняли и сказали: вот итальянские уроки, которых не должны забывать рабочие всего мира. Ты не хотел идти в коммунистическую партию, подозревал ее, это привело к твоему распылению, к власти фашистов, вот урок для рабочих всего мира. Учитесь на итальянском опыте, учитесь, что означает не иметь в надлежащий момент в надлежащем месте коммунистической партии. Это не партийный вопрос, это вопрос освобождения рабочего класса. Мы поставили им 21 условие и будем проводить их строжайшим образом, но они в таком состоянии, что не только 21, а 221 условие примут, потому что ясно видят свою ошибку. Что касается судьбы отдельных лиц, как Серрати, предсказать трудно. Я в качестве докладчика открыто при нем сказал: мы не знаем, что будет с подобными личностями, переживут ли они новую стадию болезни или после лошадиной дозы ошибок мелко-буржуазных, которые они наделали, в конце-концов поймут, что они должны замолить свои грехи и должны сделаться дисциплинированными коммунистами, никто сказать этого не может. Мы желали бы, чтобы Серрати, наученный на горьком опыте, стал коммунистом, от этого выиграл бы рабочий класс и коммунисты, он человек не без дарований, это не то, что Пауль Леви, тот белоручка, который был в правом крыле Шейдемановской партии, у которого не было связи с партией, Серрати другой человек, он может делать ошибки, но он от рабочих не отрывается, сам вышел с низов, был эмигрантом, никогда не был аристократом, он умеет жить с массами, у него эта жилка есть, поэтому ему можно предсказать лучшую

судьбу, чем случилось с Паулем Леви. Мы, конечно, были бы рады, если бы Коминтерн нашел в лице Серрати полного сторонника, но мы говорим, что полного доверия еще не может быть, мы должны подождать. Создана паритетная Комиссия под моим председательством, которая должна выработать основы об'единения, такая комиссия поедет в Италию и это об'единение должна будет произвести. Лишь в феврале состоится с'езд, который должен закрепить это единство.

Коммунисты возражали против об'единения, они говорили, что к нам идет неустойчивый элемент, мы не можем широко открывать двери для этих людей. Мы провели параллель между нашей партийной неделей и нынешним положением в Италии. Мы говорили, что мы проводили партийную неделю, когда Деникин стоял под Орлом, а Юденич под Питером, при таких условиях мы не опасались, что к нам придут рабочие, которые не захотят разделить с нами судьбу. Отдельные ошибки были, но в общем было хорошо. В Италии такой момент: власть фашистов, полная победа белой гвардии, в таких обстоятельствах идти в коммунисты действительно нужно личное мужество, нужно самопожертвование, понимание всего положения вещей, быть коммунистом в Италии сейчас, это идти на опасность быть убитым в любой день без суда, там происходит это каждый день, там гражданская война в полном разгаре. Картина такая: сегодня фашистская группа приходит и отмечает крестом дом, где живет какой-нибудь секретарь волостной ячейки—коммунист, это означает, что секретаря убьют, его разыскивают в ту же ночь и убивают, а завтра наши товарищи, революционная часть деревушки или городка отмечает два дома звездой, это означает, что мы фашистских главарей порежем за то, что убили нашего. Большею частью это выполняется. Хроника убийств совершенно нормальное там явление,

и по воскресеньям число убитых с обеих сторон удваивается, в этот день посвободнее. Гражданская война там в полном разгаре и в такой момент мы думаем, что те, кто пойдут в коммунистическую партию, когда власть у Муссолини, будут лучшие, наиболее надежные, это будет само собой производиться отбор, не повалят карьеристы. Это не то, что во Франции перед выборами. Пойдет действительно только тот, кто понял полученные уроки. Вот почему Коминтерн тут вступил на другой путь, путь об'единения.

Мы обратились с заявлением к итальянским рабочим, в котором говорим: Товарищи, итальянцы, начинается новая эра. Было время, когда мы должны были расколоть вашу партию, это было время, когда меньшевики держали в своих мертвящих об'ятиях всю партию, мы раскололи ее, увели из нее большевиков, коммунистов, теперь наступает другое время, вы прошли через тяжелый путь, вы испили чашу до дна, вот куда вас завело стремление к единству с меньшевиками, теперь наступает другая эра, вы должны начать об'единение всех тех, кто остался верен красному знамени и мы рассчитываем, товарищи, что это решение окажет спасительное влияние. В Италии создается новое строительство, камень упадет с души итальянского рабочего, они почувствуют, что время раскола, дробления и слов отошло в прошлое, что начинается новая полоса, полоса об'единения, концентрации, собирания всех живых сил итальянского пролетариата.

Чешская партия.

Я остановлюсь, товарищи, только в немногих словах на чешском и норвежском вопросах, тогда вы получите более или менее всю гамму расхождения в отдельных партиях Коминтерна. В Чехо-Словакии мы имеем большую партию, платящих членов там 170.000. больше, чем

было у нас накануне революции, партия насквозь рабочая по составу, но тоже вышедшая из рядов старой социал-демократии, в руководящих кругах эта партия еще больше неустойчива, мало оформлена. Один из лучших нынешних вождей—Шмераль, он был самым яростным социал-патриотом во время войны и только постепенно стал переходить на сторону коммунизма. В этой партии сейчас зародилась группа в роде нашей рабочей оппозиции, группа левой оппозиции, как она себя называет, возглавляемая старым рабочим Штурцем, он 32 года в партии, был председателем, сидел в тюрьме, теперь он возглавляет партию, рядом с ним целая группа рабочих разнокалиберных, есть и хорошие, есть и очень плохие. Они пытаются критиковать партию, не умея членораздельно сказать, в чем дело. Когда мы читали их программу на Конгрессе, то стоял сплошной хохот. Достаточно сказать, что они говорят: „главное средство социальной борьбы—бойкот торговцев". Совершенно детские, наивные взгляды. В ответ тов. Бухарин напомнил, что в Германии была группа, которая говорила: „есть очень простое средство свалить буржуазию и бороться против войны, надо только, чтобы все женщины сговорились, сделали стачку и отказались рожать детей в течение нескольких лет,—прекратится прирост населения, армию придется ликвидировать и буржуазный строй должен рухнуть". Конечно, это совершенно детские идеи. Мы сказали, что для нас этот вопрос еще совсем не решен. Мы знаем, что есть хорошие группы, которыми часто бывают недовольны, но в них есть зерно правды. Эти группы совершали нарушение партийной дисциплины. Месяца полтора тому назад, вопреки запрещению Центрального Комитета своей партии, они издали листовку, обратившись ко всем организациям. Тогда партийная конференция в Праге исключила их из партии. Когда мы в Коминтерне получили об этом

известие, мы, от имени Коминтерна, отменили это решение, мы пригласили их на Конгресс. Центральный Комитет был очень недоволен этим, но тем не менее должен был подчиниться. Мы исходили из такой точки зрения: когда дело идет о франк-масонах, об адвокатах, которые записались в нашу партию, мы можем поднять обе руки за исключение, чем раньше, тем лучше, а когда дело идет о группе рабочих, тут надо 10 раз подумать, прежде чем исключать. Слишком мало у нас настоящего пролетарского элемента, чтобы торопиться, подождем. И я должен констатировать, что Коминтерну удалось добиться положения этой группе. Мы разобрали всю их программу, высмеяли, где они этого заслуживали, но исключение отменили, потому что сейчас было бы в высшей степени ошибочно исключать таких людей. Сейчас в Чехо-Словакии 600.000 безработных рабочих, они кипят негодованием, государство им не помогает. Если бы сейчас откололась такая группа в Чехо-Словакии, очень может быть она бы нашла опору среди безработных, это привело бы к потери влияния коммунистической партии, к преждевременным выступлениям. Мы считали своим долгом удержать эту группу суб'ективно искренних рабочих в рядах Коминтерна и мы этого достигли. Как вы видите, в каждой стране своя проблема. Коминтерну приходится выбирать, что есть общего, указывать определенный путь.

Норвежская партия.

Еще я остановлюсь на Норвегии. В Норвегии мы имеем партию, ведущую за собой громадное большинство всех рабочих. Страна это небольшая, типичная страна сытого капитализма, страна, которая не участвовала в войне, богатая скандинавская буржуазная страна. Партия эта, построена таким образом: в основе лежат профсоюзы, вступая в профсоюз, вы становитесь членом рабочей пар-

тии и поэтому, когда в союз вступает 15.000 человек, они сразу же становятся членами партии. Тут есть, конечно, своя сильная сторона, что партия об'единяет все, получается единая организация, но есть, конечно, и громадная слабая сторона. Получается не партия действительно единодушная, не авангард рабочего класса, а просто рабочая организация. Мы уже 1½—2 года воюем с ними за то, чтобы перейти к построению партии на других основах. Они раскачиваются страшно медленно. Одним из их вождей является тов. Транмель, лично в высшей степени симпатичная фигура, настоящий рабочий трибун, бескорыстнейший человек, преданный рабочему классу до последнего, человек с искоркой таланта, один из любимейших вождей в своей стране, но человек, который прошел школу эмиграции в Америке, был членом анархической организации, индустриальной организации рабочих, придающей главное значение профессиональным союзам и отрицающей значение партии. Этот человек носит шоры на глазах, он не мог понять нашего требования дисциплины; на С'езде цитировалась его фраза, в которой он говорил, „дисциплина, дисциплина, ах, как я ненавижу это слово“. Для нас, которые видели, что без дисциплины мы просто-на-просто погибли бы, дисциплина вещь известная и необходимая, а для них простая придирка со стороны Штаба, который пристает к людям и велит им укладываться в Прокрустово ложе партийной дисциплины.

С одной стороны, в Норвежской партии имеется полусиндикалистский, с другой—реформистский уклон. В этой насквозь рабочей по своему социальному составу партии мы видим такое явление: еженедельно издается газетка „Монтаг“, газета академии, т.-е. профессоров, студентов, которые хотят примкнуть к рабочим, и которые однако, пользуясь своим превосходством интеллигентов, ведут ее против коммунистов, высмеивают Германскую ком-

мунистическую партию, хают Советскую Россию и свою собственную партию. Когда им говорят, что же вы делаете—они отвечают: „помилуйте, свобода слова нужна, люди должны иметь возможность сказать“. В их газете сотрудничает Карл Иогансен, который каждый день пишет против коммунистов. Мы потребовали исключения этого господина, но многие из них отвечали: „исключить его нельзя, он очень талантливый писатель“. Они очень удивились, когда наш докладчик, тов. Бухарин, посвятил целую главу разбору физиономии Карла Иогансена. Они говорили: „стоит ли вам, в Москве, в столице революции, такому докладчику, как Бухарин, теоретику коммунизма, говорить целые полчаса о Карле Иогансене“. Я им отвечая, сказал: „сам Иогансен, может быть, гроша ломаного не стоит, но то, что мы производим сейчас, есть оздоровительная работа. Нам нужно присмотреться к партии, обследовать каждый уголок этой партии, дезинфецировать, употреблять карболовку, а иногда и менее благовонные вещества. Сам Иогансен ничто, но тот факт, что вы защищаете его, что вы пускаете его в ваш центральный орган, показывает, что в решительную минуту они предадут вас, поведут вас в франк масонство. По норвежскому вопросу также принята целая программа реорганизации в духе того, чтоб эта массовая партия, которая имеет беспредельное влияние почти на всех рабочих своей страны, кроме союза печатников, к слову сказать, который в Норвегии, как и во всем мире на стороне меньшевиков, так эта массовая партия не то, что не находится под влиянием благотворным, но эта партия не является коммунистической доподлинно, есть еще Иогансены, издаются еще журнальчики господ академиков—„Монтаг“, профессора имеют влияние, словом, по сути дела она еще не является партией. Я мог бы чрезвычайно умножить эти примеры, но и без того слишком поздно, и этих четырех примеров достаточно,

чтобы показать вам всю линию отдельных коммунистических партий.

В сумме дело сводится к тому, что мы производим очистительную работу во всемирном масштабе, из партий, которые вошли в Коминтерн не как чисто коммунистические, мы создаем настоящие коммунистические ядра, закаляем в борьбе, даем правильную линию, направляем в подготовительную полосу. К этому и сводилась в значительной мере работа Конгресса, который занимался каждой крупной партией в отдельности, и в этом смысле сделан громадный шаг вперед, Коминтерн принял важное решение по организационному вопросу, реорганизовав руководство Коминтерном: до сих пор Исполком был построен на принципе федерализма, он состоит из 30 членов, каждая партия выбирает двух членов, при чем сама назначает партийного человека, сама отзывает, заменяет другим, это была известная федерация партий, теперь Конгресс нашел возможным изгнать принцип федерализма из строительства нашего центрального органа, теперь не каждая партия посылает своих представителей, а Конгресс сам выбирает на своем с'езде весь Исполком, раньше же он выбирал только председателя, теперь выбирает весь состав, сам создает Центральный Комитет Международной Коммунистической партии, подотчетный не своим партиям, а подотчетный только Конгрессу, другими словами здесь в организационной форме выражено то, что мы перестаем быть федерацией, а становимся единой коммунистической международной партией, которая имеет организованное руководство в лице Центрального Комитета. Все равно берем ли мы члена из японских, индусских, русских коммунистов, мы берем его и говорим: вот тебе Коминтерн доверил руководство всей международной организацией на год. Мне кажется, что это решение не только организационного значения, но и громадного

политического размаха, это есть действие переходное к тому, чтобы централизовать нашу международную организацию и создать из нее единую международную коммунистическую партию.

Заключение.

Теперь два слова об общем диагнозе, который поставил Конгресс—в смысле политическом чего нам ждать? В нашей тактической резолюции говорится, что мы вошли в полосу международного фашизма, то, что мы имеем в Италии, в Венгрии, можно завтра ожидать в целом ряде других стран. Да, наша партия входит в этом смысле в полосу самых важных боевых испытаний, ряд партий должен будет пройти через нелегальную полосу. Тут окончательно мы увидим, где настоящие коммунисты, а где только элементы примазавшиеся. Мы идем на встречу тяжелому времени, нам придется в каждой стране пройти через полосу жесточайшего белого террора. Не исключение, что в такой стране как Англия, где на выборах одержала победу большая партия меньшевистско-либерального типа, во Франции ожидается такая же победа и там будет вспышка пацифистского периода, германского периода пацифистской дружбы. Нельзя сказать в этом случае, что мы можем что-нибудь предсказать точно. Учесть международное положение это не по одной доске пройти, надо видеть всю разнородность явлений, как они пред нами. Ближайшие месяцы и годы принесут с собой громадное обострение борьбы, в своем нажиме капитал дошел до кульминационного пункта, начинается оборона рабочих, оборона, которая в механике событий при поддержке Коминтерна должна свестись к тому, что она сменится наступлением рабочих. Мы не можем еще давать последним призывных гудков, но не можем сказать, что,

может быть, уже завтра не наступит момент этого призыва на бой. Конечно, только в историческом смысле я говорю о завтра, потому что для истории два—три года это момент, но в прямом смысле это не завтра, в прямом смысле предстоит еще большая работа очистительная, подготовительная по созданию настоящей коммунистической партии, чтобы не было уголка во вселенной, где мог бы повториться еще раз итальянский опыт, где бы снова могло случиться так, чтобы массы рвались в бой, а партии, которая повела бы их на этот бой, не оказалось. Можно поручиться, что это уже повториться не может. Мы можем потерпеть и мы еще потерпим не раз поражения в бою, в Италии и в других странах, когда пойдем в бой, ведь не тот революционер, который идет в бой, когда заключил сделку с победой, когда победа у него в кармане, нет, приходится вести массу в бой и тогда, когда нет этой гарантии, поражения будут в бою, отдельные поражения, но такого поражения, какое было в Италии в 1920 г., когда масса рвалась в бой и не было партии, такого поражения не будет, это уже достигнуто деятельностью Коминтерна.

Еще один—два года такой деятельности по упрочению, по очистке партии, по заложению мощного фундамента коммунистической партии во всех отдельных странах, еще два года такой работы и можно будет сказать, что действительно необходимая, черновая, подготовительная работа для пролетарской революции выполнена. Что же происходит сейчас? Кропотливая работа создания партии, указание пути, той дороги, которую мы в России прошли за 25 лет постепенного создания нашей собственной коммунистической партии без ее внутренней борьбы фракций, которую мы уже проделали. Теперь мы смеемся над грешниками и мытарями, франкмасонами и т. д., но если мы возьмем свое соб-

ственное движение за четверть века, то окажется, что мы с вами прошли через не меньшие, еще только пять лет тому назад Чхеидзе был вождем. Что, это лучше франкмасонства? Ни капельки не лучше. Но, на что нам понадобилось 25 лет, то при поддержке международного интернационала отдельные партии проделают в 5 лет, даже в 2—3 года, на примере итальянской партии мы видели, как партия способна пробежать в год тот путь, на который прежде понадобилось бы 10 лет.

Важнейшее событие заключается в том, что Коминтерн становится не федерацией партий, а единой коммунистической партией. Ответственность нашей партии в Коминтерне гигантская, авторитет нашей партии на таком грандиозном конгресс, как сейчас, вещь серьезная, это гигантский университет для всех нас, мы прошли через все партии Европы и других материков, обсудили все внутренние проблемы, это была гигантская лаборатория коммунистической тактики, теории, коммунистической работы, и в этом гигантском университете мы, товарищи, были главной силой и без преувеличения можно сказать, мы были главным штабом красной профессуры. Это возлагает на нашу партию, конечно, гигантскую ответственность. Можно сказать прямо, немножко жутко становится при виде этой гигантской ответтственности, которая ложится на нас. Мы не можем с такой доскональностью знать движение в каждой стране, как знаем свое движение, а между тем наше слово, наш совет становятся решениями, от них зависит судьба рабочего движения на годы и годы.

Вот почему Центральный Комитет Коммунистической Партии считает долгом совести для членов нашей партии в виду грандиозности ответственности, которая ложится на нас всех, отдавать на это дело должное внимание и должное количество сил, несмотря на всю

массу государственной работы. Вот почему в дни нашего конгресса наша главная сила Владимир Ильич оставляет все иное и садится за какие-нибудь скучнейшие тезисы по отдельным вопросам, касающихся отдельных стран, и так и должно быть, мы должны воспитать самих себя в том смысле, что у нас нет более высокого долга, как долг перед международным рабочим движением, в такой обстановке, где мы являемся руководителями. Во 2-м Интернационале в последние годы руководство принадлежало германской социал-демократии в эпоху расцвета деятельности Августа Бебеля, но германская социал-демократия не имела и $^1/_{100}$ доли того влияния, которое имеет наша партия в Коминтерне, наше влияние беспредельно. Мы являемся для них образцом, у нас кладезь опыта, которым они должны воспользоваться, это налагает на нас обязанность памятовать, что каждое наше слово на международном Конгрессе должно быть сознательным. Только наша партия с ее изумительной дисциплиной и опытом может взять на себя руководство об'единением всех партий. Когда посмотришь на болезни других партий, только тогда начинаешь ценить то, что есть у нас, начинаешь ценить то, что мы завоевали, как нечто неот'емлемое, ту железную дисциплину, то сознание, то доверие, которое партия имеет к себе, к нашему руководству, только тогда начинаешь понимать, какое это благо для нас, для нашей страны такая изумительная организация, как Р. К. П., организация, которой, в буквальном смысле слова, еще не видел мир—Р. К. П. в ее нынешнем составе. И нам надо добиться того, чтобы создать такую организацию в международном масштабе. 4-й Конгресс в этом смысле сделал большой шаг вперед. Это был С'езд раз'яснения, разжевывания, конкретизации, штудирования, изучения решений, уже принятых. В этом его сила. Точно также, как в области власти мы занимаемся не общими вопро-

сами, мы вошли в полосу настоящего, трезвого, делового строительства, в таком же смысле мы должны провести параллель с работами Коминтерна. В этом не слабость его, а в этом его сила.

К чему сводится суть всей работы? Прежде всего мы обозрели все главнейшие рабочие партии и приняли все необходимые меры к тому, чтобы этот авангард остался авангардом, но одни рабочие не могут победить. Они имеют резерв среди крестьянства. Поэтому наша резолюция, дающая программу действий всем коммунистам, гласит, что они должны часть крестьянства нейтрализовать, часть повести за собой. Второй резерв — угнетенные народа Востока. Мы слушали их в течение трех дней, исследовали все их болезни. Как внимательный врач любовно относится к пациенту, так Конгресс относился к отдельным болезненным проблемам внутри восточных и западных партий. Он внимательно выслушал пациента, внимательнейшим образом вник в положение вещей, привлек на помощь весь опыт в международном масштабе, потом поставил диагноз. Особенно это было сделано по отношению к восточному вопросу. Третье решение было вынесено по вопросу об едином рабочем классе. Что означает это решение? Оно означает—пролетариат главный класс, главная сила, его партия главная фаланга; дальше—забота о том, чтобы привлечь крестьянство, привлечь угнетенные народы. Все это, вместе взятое, и дает работу, настоящую серьезную пролетарскую работу по подготовке международной революции. Вот работа, которую выполнил 4-ый Конгресс. (Продолжительные аплодисменты).

